

Antanas
BARANAUSKAS

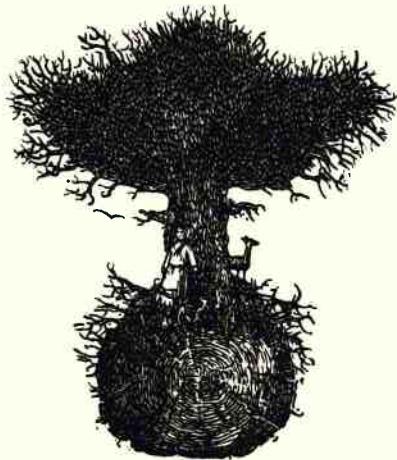

Anykščių šilelis

Аникщяйский бор

Der Hain von Anykščiai
The Forest of Anykščiai

Antanas
BARANAUSKAS

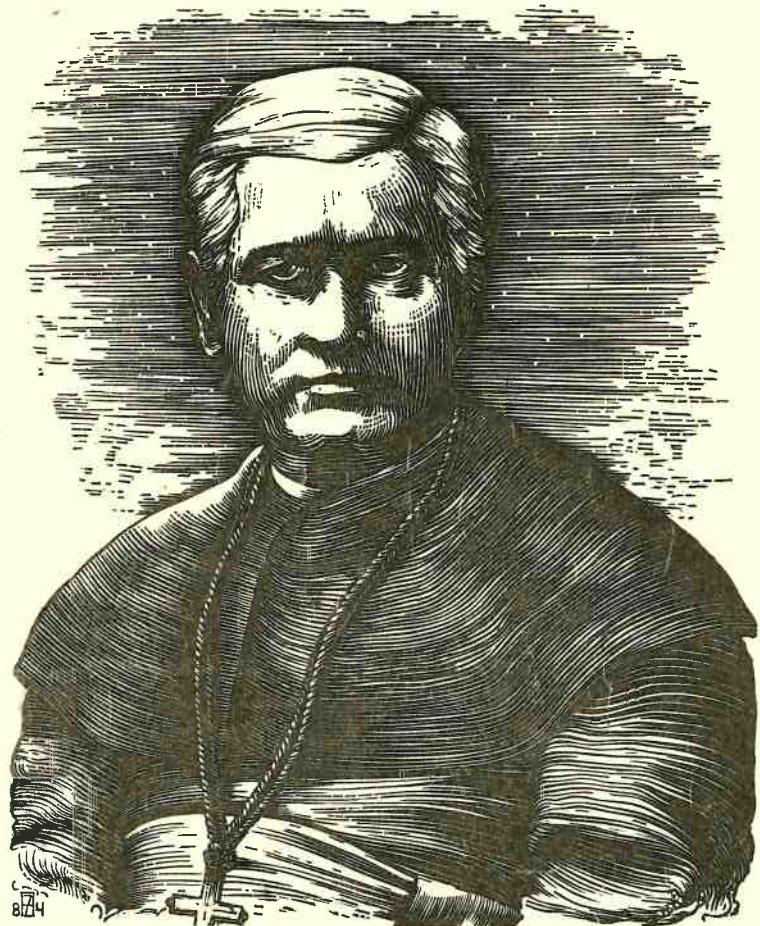

Anykščių šilelis
Аникщайский бор
Der Hain von Anykščiai
The Forest of Anykščiai

ANTANAS
BARANAUSKAS
M·DCCC·XXXV
— + —
M·DCD·II

Antanas BARANAUSKAS

Anykščių šilelis

Аникщяйский бор

Der Hain von Anykščiai

The Forest of Anykščiai

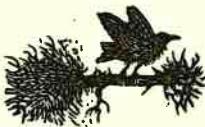
Vilnius „Vaga“ 1985

84 L1
Ba 402

Dailininkas
Alfonsas Žvilius

4702360100—175
B ----- 18—85
M 852(8)—85

© Ivadas, vertimas i anglų k.,
iliustracijos. Leidykla
VAGA, 1985.

PAMINKLAS SAVO KRAŠTUI

Antano Baranausko „Anykščių šileliui“ lietuvių poeziijoje tenka ypatinga vieta: nuo jo pasibaigia didaktinės literatūros produkcija ir prasideda grynosios poezijos etapas. Po „Šilelio“ jau nebeįmanoma buvo rašyti taip, kaip buvo rašoma iki šio — stambaus kaip Puntukas — lietuvių poezijos šedevro. Puntuko akmuo, kurį iš visų pusų supa tiesios lyg arfos stygos šilelio pušys, didelio meistro-juvelyro rankose, vaizdingai tariant, sužibo milžiniško deimanto šviesa, o liemeningi pušų kamienai prabilo auksinių arfų stygų pasažais. „Anykščių šilelis“ atliko unikalų vaidmenį: nuo deimantu paversto Puntuko akmens pro skambias pušyno arfos stygas pakreipė lietuvių poezijos kelią į jos aukso amžių.

Gimusio XIX amžiaus viduryje kuklaus, nepaprastai glausto kūrinio, kurį vienodai galima priskirti ir prie mažųjų poemų, ir prie išėsto eilėraščio žanrų, poetinės gijos tėsiasi iki XX amžiaus vidurio ir gal net dar toliau. Primena jis ir sporadiško lyg žaibo blyksnis poetinio jausmo protrūkį, ir tarsi vienu atsikvėpimu ištartą improvizaciją. Kitaip sakant, gyvą, pulsuojančią, nesustingusią, greičiau stichiškai, gaivališkai, staigaus

praregėjimo akimirką gimusį opusą negu planingai, racionaliai eilė-raščio eilutėmis išliniuotą ar išbraižytą ir todėl sustingusią braižybinę konstrukciją. Ne tokios pagaliau būta jos autorius, gryno rytu aukštaičio, širdies, kad imtusi racionalaus poetinės inžinerijos darbo: rytu aukštaičiai lyrikai, impulso žmonės iki panagių. Poetinio impulso žymės ir dainingas lyrizmas persmelkia visą „Šilelį“ nuo pirmos iki paskutinės jo eilutės. Savo gaivališka, improvizuota forma „Šilelis“ tik priartėja arčiau mūsų nūdienės poezijos.

To negana. Šis maksimaliai glauistas, lietuviškai santūrus, valstietiškai taupus pasakojimas dar primena kietą — tarsi minėtasis Punktuko dei-mantas — koncentratą, gaunamą šiuolaikinėje mokslinėje laboratorijoje medžiagos presavimo būdu. „Šilelio“ autorui pačios, galima sakyti, mokslinės revoliucijos išvakarėse dar teko dirbtį alchemiko darbą. Bet aukštų temperatūrų gavybos ir slėgio principas jam jau buvo žinomas. Tokios įtampos, tokios degimo temperatūros buvo pasiekus šito žodžio alchemiko širdis. Be to, jo dar būta ir talentingo matematiko, slėgio principas jam gal irgi buvo nebe naujas. Tuo būdu talentingam poetui ir matematikui pavyko pasiekti tokio žodžio alchemijos efekto, kuris prilygsta naujausiems mūsų atominio amžiaus atradimams. Lakoniškame „Šilelyje“ — faktiškai poetiniame koncentrate — sukaupta masė no-vatoriškosios prozodijos komponentų, davusių daugybę impulsų naujajai mūsų poetikai. „Anykščių šilelis“ — poezijos novatoriaus produktas.

Nenorėčiau užbėgti skaitytojui už akių ir leistis į smulkesnę šio kūrinio analizę. Skaitytojas netrukus pats su juo susipažins ir pats pajus visą šio

nuostabaus kūrinio grožį ir jo išliekamąją vertę. Tačiau aiškumo dėlei ši tą dar privalėčiau pridurti. Turbūt privalėčiau nors keliais bruožais argumentuoti anksčiau išsakytas mintis. Pirmiausia — priminti, jog ši kūrinj parašė jaunas dvidešimt trejų—ketverių metų poetas ir todėl jauna, gaivalinga, neišeikvota lyrinė energija trykšta iš kiekvienos šio tariamai opinio pasakojimo eilutės, iš kiekvienos jo metaforos, iš kiekvieno jo žodžio. Toliau — priminti ir tą faktą, kad sukūrė jį jaunas seminaristas, ištrūkės iš ankštų dvasinės seminarijos sienų į absoliučią laisvę ir didelį grožį, į jaukų gamtos prieglobstį — atvykės vasaros atostogų į savo tėviškės laukų platybę ir miškų žavesį, kur jis — dar vaikas — ganė, žaidė, valiūkavo, džiaugėsi atsiskleidžiančiu jo akims ir širdžiai pasaulio grožiu ir kur nuostabios lietuviškos gamtos prieglobstyje éjo savo gyvenimo pradžiamokslį. Nesistebékime, jog patekės į savo vaikystés Arkadiją, jaunas poetas iš džiaugsmo vartosi kaip kumeliukas dobilienoje. Tokią nuotaiką, tokį poetinj entuziazmą, skaitydamas „Šilelį“, jauti. Ir netenka stebétis, jog visos miško spalvos jo poetinéje paletėje tokios naujos, ryškios, net kvepiančios aliejiniai dažais — tarsi tik ką nutaptoje drobėje. Lanksčią tapytojo (drąsiai tuo vardu pavadinčiau „Šilelio“ autoriu!) ranką vedžiojo tikras poetinis įkvéimas ir kūrybinio darbo entuziazmas.

Užmeskime akį į jo metaforinj piešinj — koks jis tikslus! Stačiai grafiko kruopštumas! Kiekvienas šilo ąugalas, daiktas, paukštis, žvėrelis taip kruopščiai, taip detaliai nupieštas ir nutapytas, jog gali jį, regis, pirštais paliesti. Tačiau natūralistinio piešinio taisyklių poetas vis dėlto nesilaiko — jis transformuoja daiktą per epitetą ir poetinių figūrų prizmę

ir todėl suteikia jam visiškai naują, jau estetinį, statusą. Jis tarsi apvelka natūralų objektą ypatingu poetiniu šydu, apgaubia nebe kasdieniška, o daugiau šventiška ir neįprasta atmosfera. Jis poetizuojas kiekvieną savo vaivorykštino audinio detalę. Todėl grybai čia ne tik paprasti miško grybai, o kiekvienas paženklintas savo autentiška individualia charakteristika: sakysime, jo musmirės „raupuotos“ ir todėl primena jam raupų paliestą ir gal kažkaža vaikystėje įsimintą rausvą žmogaus veidą, o veršiakiai „gleivėti“ ir primena gal jo ganyto veršiuko akis. Ir staiga — ištisas spalvotas grybų tiltas: „Ant žalio, rausvo, balkšvo duggnio taškai grybų...// Čia rausvos, melsvos, pilkos ūmėdės sutūpę“. Čia jau blyksteli ir naujoviškas asociatyvinio mastymo būdas, toks dažnas šiuolaikinėje poeziijoje. Poetui miško krūmai „žole barzdoti“, o „kekes riešučių lazdynai iškélę atokaitoj brendina“. Gana įvairią metaforinę konfigūraciją įgyja jo poemoje įvairūs miško medžiai. Sakysime: „Liemuo liemenį plaka, kaip mendrės siūruoja“. Tai jau ne tik natūralūs medžiai, o dažnai ir simboliai, kurie poetui primena kažką labai giliai įsiminusio. Nenorėčiau apkrauti skaitytojo gausiais poetinės transformacijos pavyzdžiais, kuriuos jis ir pats pastebės, skaitydamas šią puikią peizažinę pastoralę. Norėčiau viena pabrėžti: atidžiai perskaičiau visas 342 „Šilelio“ eilutes ir neradau nė vienos, kurioje piešiamas vaizdas nebūtų vienokiu ar kitokiu būdu metaforizuotas. Vadinas, jos autorius jautė ir gal net suprato magišką poezijos specifiką. Be metaforikos poeziijoje nepasieksi absolūčiai jokio magiško efekto. Metaforiška konfigūracija sukuria apie save magišką lauką, kuris ir įtraukia į save skaitytoją. Tą poezijos paslapčių sis žodžio alchemijos meistras, atrodo, žinojo. Tuo keliu jis ir pasuko.

Norėčiau atkreipti skaitytojo dėmesį į plastinę poeto manierą ir į jo spalvinės paletės turtingumą bei panaudojimo būdą. Ir pirmiausia — į šilo objektų hierarchiją, pradedant nuo samanų, grybų, žolių, gėlių, krūmokšnių ir baigiant pačią medžių laja. Tokia sąmoninga hierarchija padeda poetui-tapytojui nesunkiai aprépti peizažo visumą ir pasiekti išbaigtos drobės išpūdį. Tuo pačiu ir daugiaplanės drobės išpūdį. Keliais šykščiais štrichais ar potépiais poetui pavyksta išgauti maksimalų harmonijos efektą. O tai jau didelio meistriškumo požymis. „Šilelio“ autorius spalvinė paletė prilygsta vaivorykštės juostai. Sakysime, šešių eiléraščio eilučių arba šešių potépių tarpsnyje poetui pavyksta išgauti pagrindines visų keturių metų laikų spalvas. Tai gana retas pavyzdys, kuris ano meto kūrėjų taip pat priartina prie nūdienio asociacijų grupavimo būdo. Spalvinės paletės įvairumas suteikia jo poetinei drobei impresionistinį pobūdį. Tačiau dominuojanti šios drobės spalva vis dėlto lieka žalia. O vešliai, sodriai, ryškiai žalia — tai mūsų specifinė lietuviška spalva. Jos mūsų gintarinio pajūrio zonoje, mūsų lietaus ir vėjų krašte daugiau negu kitų spalvų. Visas „Anykščių šilelis“ nuspalvintas ryškiais žalio dažo potépiais.

Tačiau tai tik viena medailio pusė. Atsiverskime ir antrają jo pusę. „Šilelyje“ išryškėja dvi linijos. Viena — plastinė, antra — melodinė. Ir abi jos susipynę — tarsi vieno medžio šakos. Semantinis melosas tiesiog atgaivina visą spalvinę peizažo struktūrą ir suteikia jai dar daugiau graciros, sakyčiau, stačiai graciozinio skambesio. „Šilelio“ autorius, matyt, būta idealios klausos poeto. Kaip tobulas piešėjas, jis transformuoja savo piešiamą objektą į vaizdingą epitetą, metaforą. Kaip išradinges

tapytojas, jis nuspalvina surastą metaforą atitinkamu potėpiu. Kaip muzikas, jis suranda tam įvaizdžiu atitinkamą garsų gamą. Kaip ir plastikos, jo melodijų registras taip pat turi savo hierarchiją — nuo pačių žemiausių iki pačių aukščiausių gaidų, nuo subtiliausio pianissimo iki stipriausio forte. Įsklausykime kad ir iš šių nakties šnabždesi:

*Vidunaktyj taip tyku,— kad girdi, kaip jaunas
Lapas arba žiedelis ant šakelių kraunas;
Girdi, kaip šakom šniubžda medžių kalba šventa,
Kaip žvaigždelės plevena, gaili rasa krenta.*

Ne kiekvienai klausai prieinami tokie subtilūs, net ir negirdimi garsai. Štai kokį subtilų efektą gali išgauti didelis meistras, kai visatos harmonijos sujaudinta poeto širdis ir absoliuti jo klausa geba išgirsti net ir tokius garsus, kuriuos skleidžia aukštybėse plevenančios žvaigždės ir po kojomis krintantis ir sudūžtantis į trupinėlius sidabrinis rasos lašelis. Tokio pasažo „Šilelio“ autorui galėtų pavydėti net vėlesnieji poetai simbolistai. Ir staiga mus užgriūva tokis akordas, kai poetas pasitelkia kone forte stiprumo onomatopėją:

*Ėgi antys „pry! pry! pry!“ priskridę į liūną;
Ėgi kukutis klausia savo pačią, sūnų;
„Ką, ką, ką jums atnešti? Ką jūs kalbat niekus?
Ką, ką, ką? ar grūdus? ar musias? ar sliekus?*

Tai štai kokie melodiniai kontrastai! Ir koks platus jo semantinio meloso registras. Beje, tik ką pacituotas onomatopoetikos pasažas, kaip

ir daug kas poeziijoje, greičiausiai išplaukės iš pasamonės gelmių, į kurias šią muzikiniu ornamentu išgražintą metaforą poetas susikrovė dar vaikystėje, ganydamas aveles ir veršelius gimtojo šilelio proskynose ar laukymėse. Vaikystės Arkadija persekioja dažnai poetą iki žilos senatvės. Dažnai iš jos neužgesusio pulsavimo atklysta patys įdomiausi, nuotaikin-giausi, poetiškiausi impulsai. Taip, manau, būta ir šiuo atveju. Manau, ne be ašarų akyse kartoj „Šilelio“ autorius iš gilumos sąmonės išnirusi ši sinkopinė akordą, išgirdęs medžių viršūnėse pažystamų paukščių rypavimą ir klegėjimą. Ašaras turbūt išspaudė jam ir kiti panašūs skambios miško arfos pasažai, seni vaikystės prisiminimai, tolimo piemens raliavimų aido atgarsiai. Prisiminės dienas, kurias visada lydi žila Pasaka, poetas neiškentė nejterpęs į savo melodinių-plastinių kūrinį ir dviejų nedidelų gintaro inkrustacijų: gryna lietuviškos pasakos apie Eglę, žalčių karalienę, motyvo ir Puntuko akmens atsiradimo jo gimtame šilelyje versijos. Abi regresijos vykusiai įsikomponuoja ir dar, sakyčiau, paryškina metaforinių šilelio piešinių. Skaitytojas pastebės, jog neabejingas poetas ir įvairiems miško kvapams. Tačiau ir jie paklūsta pagrindinei metaforinei poeto technikai, sakysime, „medžio žiedų kvapas — lyg sodas pratrūko“. Pratrūko sodas — nuostabi, nauja, netikėta metafora.

Tačiau pagrindinės „Šilelio“ linijos vis dėlto lieka dvi — plastinė ir melodinė. Jos ir sudaro pagrindinę šio poezijos veikalo struktūrą. Sujungus abi šias priemones — ir polichrominę, ir polifoninę — į vieną, poemos autorui pavyko pasiekti tokio įspūdingo poetinio efekto. Visas jo „Šilelis“ tik treška, taukšti, mekena, šníbžda, teškena, gagena, klegena — visas pavirtęs spalvota muzika. Antano Baranausko „Anykščių šilelis“

skamba tarsi Mikalojaus Konstantino Čiurlionio simfonija „Miškas“. Kartu tai ir vizija, artima tapybinėms Čiurlionio vizijoms.

Beje, skaitytojui gal ir neaišku, kodėl poetas su tokiu entuziazmu ir piešia, ir apdainuoja savo gimtajį šilelį, jeigu grįžęs čia vasaros atostogų ir radęs jį visai nualintą ir nuniokotą, jis tesugebėjo konstatuoti:

*Visa prapuolę; tik ant lauko pliko
Kelios pušelės apykreivės liko!..*

Tai greičiau balsas, šaukiantis tyruose. Ir kartu gilus skausmingas širdies atodūsis. Gimtajį šilelį pjūklas ir kirvis tuo metu iš tiesų jau buvo bemaž pribaigę. Naujos istorinės salygos, besikeičianti XIX a. viduryje socialinė struktūra ir žmonių psychologija, svetimųjų valdovų nesuinteresuotumas ir neūkišumas, pagaliau nepasotinamas pačių žmonių turto godas pavertė kitados vešlią ir gražią vietovę dyklauke, apsilusia kemsyne ir tyrais, kuriuose liko kūpsoti vien tik „kalnai kelmuoti, pakalnės nuplikę“. Tokia buvo istorinė tiesa, nuo kurios niekur nepasislėpsi. Poetas pamégino pasislėpti romantiškos vizijos miražę. Jis, kaip minėta, buvo labai dar jaunas, kupinas dvasinių jégų ir tvirto tikėjimo, ir štai — Punktuko papédéjé ji aplankė šviesus praregėjimas. Viziją mes suprantame greičiau kaip ateities miražą. Ne. Antano Baranausko vasaros miražą ir jo šaukiantį tyruose balsą greičiau galima būtų vadinti retrospektyvine vizija. Kažką panašaus jau esame turėjė poetiniame Simono Daukanto „Büde“. Antanas Baranauskas pasuko „Büdo“ pramintu keliu. Poeto atmintis émési savotiško „restauracinio“ darbo. Jis atkūrė Anykščių šilelio vaizdą, kurį dar regėjo vaikystėje, ganydamas gyvulius, ir žengė

dar toliau. Anapus „Anykščių šilelio“ teksto atsiveria plačiausios erdvės minčiai ir istoriniams apmąstymams. Savo retrovizijoje poetas nuklysta į tuos laikus, kai žmogus dar stovėjo labai arti gamtos ir jautėsi esąs neatskiriamas tos gamtos dalis, kai tūlos girios, šilai ir miškai buvo laikomi šventais ir neliečiamais. Poetas, veikiamas tos antropomorfistinės pajautos, teigia, jog faktiškai taip visada ir turėtų būti. Jo retrovizijoje mes jaučiame stačiai stabmelišką pagarbą, meilę ir netgi nuolankumą Didžiajai Gamtai.

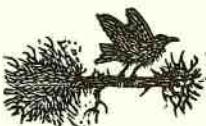
Žmogaus ir gamtos susvetimėjimas vestu į neišvengiamą katastrofą. Tokios katastrofos preliudiją — žmogaus ir gamtos susvetimėjimo rezultatą! — ir pavaizduoja poetas „Anykščių šilelyje“. Jo šilelio ribas galima būtų praplėsti, nes tai tik vienas ir gana kuklus ekologinės savižudybės epizodas.

Tačiau vargu ar retrovizija iki galo patenkino „Šilelio“ autorium. Jo, poeto, estetinį pojūti gal ir patenkino — vis dėlto tai didelio grožio fatamorgana. Bet mintį — vargu. „Anykščių šilelis“ iš esmės yra tik nuotaikos, impresijos ir dvasinės kontempliacijos momento epizodas. Tai savotiška stabmeldžio malda gyvajai gamtai. Tai sustingusi getiškoji akimirka. Ir tik tiek. Jokios fabulos ir jokio siužeto poemoje mes nerandame. Ir vis dėlto poeto širdis joje mums atskleidžia iki galo. Širdis ir yra pagrindinis šios lyrinės poemos veikėjas. Ji ir išveda į sceną pačioms įvairiausioms nuotaikoms atstovaujančius savo tragedijos veikėjus — nuo rezignacinio minoro iki šviesaus mažoro. Poeto nuotaikos čia kinta žaibo greitumu. Tačiau krinta į akį vieną, mano nuomone, gana svarbus momentas: ir minoro pasiją, ir mažoro fūgą lydi ryškus nerimo

kontrapunktas. O tai jau mintis. Jis išreiškia didelį poeto susirūpinimą dėl vis didėjančių žmogaus ir gamtos susvetimėjimo simptomų. Tačiau poeto mintis suteikia jo poetinei retrovizijai ir visiškai naują projekciją: nerimaudamas dėl ateities, poetas tiki, jog ekologinis susvetimėjimas vis dėlto įveikiamas. Žmogus yra nedaloma gamtos dalis, ir todėl visiškai izoliuotis nuo gamtos jis niekada neįstengs. Paprasčiausiai — organiškai to negali. Žmogus — Gamtos belaisvis. Jeigu vieną dieną taip įvyktų, žmogus, kaip gamtos produktas, žūtų. O to niekas, be jokios abejonių, nelaukia. Netiki tuo ir poetas, kada jis sako, jog žmogus, „mišką užgirdęs, be jo neberimsta“. O nerimas yra mintis. Mintis ir neleis žmogui žūti. To poetas ir linki savo kraštui, kurio peizažą, žmogų ir kalbą jis taip mylėjo. „Anykščių šilelis“ — tai gražus paminklas savo kraštui, jo žmogui ir poetiškai, dainingai, unikalai lietuvių kalbai.

Taigi Antano Baranausko „Anykščių šilelis“ daugeliu atžvilgių skamba aktualiai ir šių dienų žmogui. Žavės, manyčiau, jis ir tuos, kurie skaitys jį išverstą į svetimas kalbas, nes „Anykščių šilelis“ — tai skaidrus perlas pasaulinės poezijos vėrinyje.

EDUARDAS MIEŽELAITIS

ПАМЯТНИК РОДНОМУ КРАЮ

«Аникщяйскому бору» Антанаса Баранаускаса в литовской поэзии принадлежит особое место: на нем заканчивается дидактическая литература и начинается этап чистой поэзии. После Баранаускаса уже невозможно было писать так, как писали до него, до появления этого исполинского, как Пунтукас, шедевра литовской поэзии. Колossalный валун Пунтукас, образно выражаясь, заиграл, как гигантский алмаз, получивший мастерскую огранку, а окружившие его со всех сторон стройные стволы сосен прозвучали звучным аккордом золотых струн арфы. «Аникщяйский бор» сыграл уникальнейшую роль: от обращенного в алмаз Пунтукаса через звонкозвучные струны арфы вывел литовскую поэзию на путь к ее золотому веку.

Поэтические нити этого рожденного в середине XIX века скромного, необычайно компактного сочинения, которое в равной мере возможно причислить и к малым поэмам, и к жанру развернутого стихотворения, тянутся к середине XX века и, возможно,

еще дальше. Напоминает оно и взрыв спорадического, как вспышка молнии, поэтического чувства, и излившуюся единым духом импровизацию. Одним словом, живой, незакосневший, пульсирующий, скорее стихийно, бурно, рожденный в миг внезапного озарения опус, нежели планомерно, рационально размещенную по стихотворным строкам и потому окаменевшую чертежную конструкцию. Не такое, в конце концов, было сердце у его автора, уроженца восточной Аукштайтии, чтобы браться за рациональную работу из области поэтической инженерии: в тех краях народ — лирик и импульсивен до мозга костей. Поэтическая импульсивность и напевный лиризм пронизывают «Аникщяйский бор» с первой до последней его строки. По своей стремительной, импровизационной форме «Аникщяйский бор» заметно приближается к нашей современной поэзии.

Мало того. Это максимально сжатое, по-литовски сдержанное, по-крестьянски бережливое повествование напоминает еще и необычайно прочный — словно упомянутый алмаз Пунтукас — концентрат, добываемый в современной лаборатории под высоким давлением. Автор поэмы в самый, можно сказать, канун научной революции выполнил работу, достойную алхимика. Однако принцип получения высоких температур и высокого давления ему был известен. Такого накала, такой температуры горения достигало сердце этого алхимика слова. Помимо всего он был еще и талантливым математиком, принцип сжатия ему тоже был не в новинку. Этими способами талантливый поэт и математик добивался такого

эффекта словесной алхимии, который вполне отвечает новейшим достижениям нашего атомного века. В лаконичном «Аникщяйском бору», в этом поэтическом концентрате, сосредоточено множество компонентов новаторской просодии, давших обилие импульсов новейшей нашей поэтике. «Аникщяйский бор» — творение новатора в поэзии.

Не хочется забегать вперед и вдаваться в подробный разбор этого произведения. Читатель скоро и сам познакомится с ним, сам прочувствует всю удивительную красоту и непреходящую ценность этого редкостного сочинения. Но точности ради кое-что следует упомянуть. Пожалуй, необходимо хотя бы в общих чертах подкрепить вышесказанное. Прежде всего — уточнить, что сочинил данное произведение поэт в возрасте двадцати трех—двадцати четырех лет, в связи с чем юная, стремительная, неизрасходованная лирическая энергия фонтаном бьет из каждой строки этого, так сказать, эпического повествования, пронизывает каждую его метафору, каждое слово. Нельзя не назвать и такой факт, как то, что сочинил «Аникщяйский бор» молодой семинарист, вырвавшийся из тесных стен духовной семинарии на полную свободу, в просторы родных лесов и полей — прибыв на летние каникулы к себе на родину, в те живописные места, где он еще ребенком бегал, играл, пас стадо, радовался красоте представшего перед ним мира и где под сенью ласковой литовской природы проходил азы своей жизненной школы. Не станем удивляться тому, что, очутившись в Аркадии своего детства, молодой поэт на радостях

резвым жеребенком кувыркается по клеверу. Это настроение, этот поэтический восторг постоянно ощущаешь, читая «Бор». И не приходится удивляться, что все краски леса в его поэтической палитре так ярки, новы, так ароматны и свежи — ну точь-в-точь свеженаписанное полотно. Гибкой рукою живописца (смело применим это слово к автору «Бора»!) водило поистине поэтическое вдохновение, подлинный восторг творческого труда.

Взглянемте на его метафорический рисунок — как точен он! Тщательность, достойная графика! Каждое лесное растение, птица, зверь обрисованы столь старательно, подробно, что хоть протяни руку и потрогай. Однако поэт вовсе не следует требованиям натуралистического описания — он трансформирует предмет сквозь призму эпитета и поэтических приемов, а в силу этого переводит его в совершенно новый, уже эстетический план. Он словно обволакивает естественный объект особым поэтическим флером, окружает не будничной, а скорее праздничной, необычной атмосферой. Он поэтизирует каждую деталь своей радужной тканины. Вот почему грибы у него не только обычные лесные грибы, но и отмечены каждый своей подлинной индивидуальной характеристикой. Так, мухомор у него «рябой» и потому напоминает поэту тронутое оспой, виденное в далеком детстве и запавшее в память лицо человека, груди «слизкие» и походят на мокрые глаза теленка, которого доводилось некогда пасти. И вдруг — целый мост грибов, яркая, пестрая лента: «На фоне розовом, белесом иль зеленом... // Лисичек леечки сквозь трещину жел-

теют... / / А серых, голубых и сыроежек красных / / Как много здесь растет, веселых и прекрасных!» Тут уже проглядывает и новаторский способ ассоциативного мышления, столь полюбившийся нынешним поэтам. «Кусты травою бородаты», «орешник, ветвь тряся, орехами играет» — так воспринимает поэт лесные реалии. Крайне разнообразную метафорическую конфигурацию приобретают в его поэме деревья: «Ствол хлещет ствол, качаясь, как тростинки». Это уже не деревья как таковые, а зачастую и символы, напоминающие поэту о чем-то сокровенном. Не желая перегружать читателя обилием примеров поэтической трансформации, которые он и сам выделит, читая эту великолепную пейзажную пастораль, подчеркну лишь одно: внимательно прочтя все 342 строки «Аникщайского бора», я не обнаружил ни одной, где изображаемая картина не была бы так или иначе метафоризирована. Значит, автор чувствовал и, возможно, даже понимал магическую специфику поэзии. Без метафорики в поэзии не достичнуть никакого магического эффекта. Метафорическая конфигурация создает вокруг себя колдовское поле, которое притягивает к себе читателя. Эту тайну поэзии Баранаускас как будто знал, и он уверенно выбрал этот путь.

Хочется обратить внимание читателя на пластическую манеру поэта, на богатство его цветовой палитры и способ ее использования. И в первую очередь — на удивительную иерархию лесных объектов, начиная с мхов, грибов, трав, цветов, кустарников и кончая кроной деревьев. Такое сознательное разделение позволяет

поэту-живописцу без труда охватить пейзаж во всей целостности и добиться впечатления законченного полотна. Причем, полотна многопланового. Несколько скучными штрихами или мазками поэт достигает эффекта максимальной гармонии. А это уже признак большого мастерства. Цветовая палитра автора «Аникщайского бора» сродни радуге. Так, например, на протяжении шести стихотворных строк или шести мазков поэту удается отобразить основные тона всех четырех времен года. Это довольно редкий пример, и он также приближает автора к современному приему группировки ассоциаций. Разнообразие цветовой палитры придает его поэтическому полотну импрессионистский характер. Однако доминирующий цвет на этом холсте — зеленый. А сочный, пышный, яркий зеленый — это уже наш специфический литовский цвет. Его в нашей зоне янтарного взморья, в нашем краю дождей и ветров побольше, нежели других красок. Весь «Аникщайский бор» окрашен в ярко-зеленое.

Но это — одна сторона медали. Повернем ее другой стороной. Мы увидим две четко обозначенные линии. Одна — пластическая, другая — мелодическая. И обе переплетены между собой — словно ветви одного дерева. Семантический мелос прямо-таки оживляет всю цветовую структуру пейзажа, сообщая ей еще больше изящества, некоего грациозного звучания. Автор «Бора», по-видимому, обладал абсолютным слухом. Как искусный живописец, рисовальщик, он трансформирует свой изображаемый предмет в образный эпитет, метафору. Как находчивый колорист, он окрашивает

найденную метафору соответствующим мазком. Как музыкант, он подбирает для данного образа подходящую для него звуковую гамму, тональность. Как пластический, так и мелодический его регистр соблюдает свою иерархию — от самых низких до самых высоких нот, от тончайшего пианиссимо до сильнейшего форте. Вслушаемся хотя бы в этот ночной шелест:

*И полночь так тиха, что слышно, как трепещет
Листок или цветок, что, вдруг раскравшись, блещет.
И в шепоте ветвей — язык священный леса:
Вот падает роса, вот звезд дрожит завеса.*

Не каждому слуху доступны такие утонченные, порой вовсе неслышимые звуки. Такой эффект способен извлечь лишь большой мастер, когда потрясенное вселенской гармонией сердце поэта и его абсолютный слух обретают способность улавливать звук дрожания звезд и звук разбивающихся у его ног серебристых капель росы. Такому умению могли бы позавидовать и позднейшие поэты — символисты. А тут еще на нас обрушивается вдруг мощный аккорд — поэт обращается к обладающей силой фортиссимо ономатопее:

*Да это утки: при! при! при! пристали у трясины,
Да это сам удод кричит жене и сыну:
«Чего, чего, чего нести вам? Вздор несете!
Чего, чего, чего: мух, червяков вы ждете?»*

Вот какие, однако, мелодические контрасты! И до чего широк регистр его семантического мелоса. Кстати, только что приведенный ономатопоэтический пассаж, как и многое в поэзии, скорее всего происходит из глубин подсознания, где эта искусно украшенная музыкальным орнаментом метафора отложилась еще в детстве, когда будущий поэт бегал за овечками да телятами по просекам и полянам родного бора. Аркадия детства преследует многих поэтов до глубокой старости. Часто ее живое трепетание посыпает нам самые неожиданные, самые меткие, поэтические импульсы. Так, надо полагать, обстоит дело и в данном случае. Думаю, не без слез на глазах твердил автор «Бора» этот всплывший из глубин сознания синкопированный аккорд, заслышав поверх лесных вершин знакомое курлыканье и гоготанье. Должно быть, слезы навертывались поэту на глаза и от других подобных переборов лесной арфы, давних воспоминаний детства, далеких отзвуков пастушьего рожка. Вспомнив дни, которым всегда сопутствует седая Сказка, поэт не утерпел и ввел в свое пластико-мелодическое сочинение две небольшие янтарных инкрустаций: мотив сугубо литовской сказки об Эгле, королеве ужей, и версию появления в его родных местах исполинского валуна Пунтукаса. Оба отступления гармонично вкраплены и даже, можно считать, почеркивают метафорический рисунок бора. Читатель заметит, что отнюдь не равнодушен поэт и к запахам леса. Однако и они подчинены метафорической технике поэта, как, например: «То дерево цветет — в бору запахло садом». Это — свежо, ново.

В качестве главных линий «Бора» все же выделим две — пластическую и мелодическую. Они и образуют основную структуру этого поэтического произведения. Объединив оба эти средства — полихромное и полифоническое — в одно, автор поэмы и сумел добиться такого огромного поэтического эффекта. Весь его «Бор» гомонит, верещит, блеет, шепчет, заливается, клекочет, гогочет, он весь обращен в цветомузыку. «Аникщяйский бор» Антанаса Баранаускаса звучит подобно симфонии «Лес» М. К. Чюрлёниса. В то же время это и картина, близкая живописным видениям Чюрлёниса.

Впрочем, читатель может удивиться: почему с таким восторгом описывает поэт и воспевает свой родимый бор, если, прибыв сюда на летние каникулы, он нашел его полностью опустошенным и изувеченным, о чем горестно извещает нас:

*Теперь исчезло все... И лишь на голом поле
Кривые сосенки остались поневоле.*

Скорее всего это глас вопиющего в пустыне. И в то же время глубокий тяжкий вздох. В самом деле, в ту пору аникщяйские леса были уже почти полностью сведены. Новые исторические условия, меняющаяся социальная структура и человеческая психология середины XIX века, незаинтересованность пришлых владельцев, их бесхозяйственность, наконец погоня за личным обогащением местных жителей обратили некогда благодатную местность в пустошь, где «голые холмы остались, крыты пнями...»

Такова была историческая правда, от которой, как говорится, никуда не денешься. Поэт сделал попытку укрыться в мираже романтического видения. Он, как уже говорилось, был крайне молод, полон духовных сил и веры, и потому у подножья Пунтукаса его посетило светлое озарение. Видение мы себе мыслим в основном как представление о будущем. Однако летний мираж Антанаса Баранаускаса и его вопиющий глас скорее можно назвать видением ретроспективным. Нечто подобное мы уже встречали в «Образе» Симонаса Даукантаса. Антанас Баранаускас пошел путем, проторенным для него Даукантасом. Память поэта предприняла своего рода реставрационную работу. Она восстановила облик Аникштского бора, каким поэт видел его в детстве, когда бегал в пастухах, и повела дальше. За пределом текста «Аникштского бора» открываются широкие просторы для мысли, исторических раздумий. В своем ретровидении поэт устремляется к тем временным, когда человек еще был чрезвычайно близок к природе и чувствовал себя ее неотъемлемой частью, когда еще были пущи, леса, боры, которые считались священными и неприкословенными. Поэт, во власти этого антропоморфического ощущения, утверждает, что на деле так должно быть всегда. В его ретровидении мы улавливаем поистине пантеистическое отношение, даже поклонение Великой Природе.

Разобщение человека и природы способно привести к катастрофе. Прелюдию подобной катастрофы — разобщенность человека с природой, ее результат — именно изображает поэт в «Аникштай-

ском бору». Границы этого бора можно было бы заметно раздвинуть, поскольку это всего лишь один, причем, довольно-таки скромный эпизод экологического самоубийства.

Однако едва ли ретровидение удовлетворяло до конца автора «Бора». В эстетическом отношении, возможно, да — как-никак это фата-моргана огромной красоты и очарования. Зато в философском — едва ли. «Аникщайский бор» по существу своему представляет лишь эпизод, связанный с определенным настроением, впечатлением и моментом духовного самосозерцания. Это своего рода молитва идолопоклонника живой природе. Это остановленное гетевское мгновение. И только. Никакой фабулы или сюжета в поэме мы не находим. И тем не менее поэтическая душа в ней раскрывается полностью. Она и является главным действующим лицом поэмы. Она и выводит на сцену персонажей своей трагедии, представляющих самые разнообразные настроения — от резиньированного минора до самого просветленного мажора. Настроение поэта здесь меняется с быстротой молнии. Однако бросается в глаза один, на мой взгляд, достаточно важный момент: и минорный пассеизм, и мажорная фуга развиваются выраженным тревожным контрапунктом. А это уже мысль. Она выражает глубокую озабоченность поэта по поводу нарастающих симптомов отчуждения между человеком и природой. Поэтическая мысль также переводит ретроспективное видение автора в совершенно новую проекцию: в своей тревоге о будущем поэт не теряет веры в преодолимость экологической отчужденности. Человек — неотъем-

лемая часть природы и потому неспособен полностью от нее отойти. Попросту — органически неспособен. Человек — узник Природы. Если бы однажды такое произошло, человек бы, как продукт природы, погиб. А к этому, разумеется, никто не стремится. Не верит тому и поэт, когда утверждает, что человек «услышав песнь про лес, волнуется, как птица». А волнение — это мысль. И мысль не даст человеку погибнуть. Вот чего желает поэт своему краю, где он любил все — пейзаж, человека, речь. «Аникщайский бор» — прекрасный памятник родине, ее людям и поэтичному, певучему, уникальному литовскому языку.

Вот почему «Аникщайский бор» Антанаса Баранаускаса во многих отношениях звучит актуально и для современного человека. Он очарует, надо полагать, и тех, кто прочтет его в переводе на другие языки, ибо «Аникщайский бор» — это чистая жемчужина в ожерелье мировой поэзии.

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

Перевела
ДАЛИЯ КЫЙВ

EIN DENKMAL ZU EHREN DER HEIMAT

Dem „Hain von Anykščiai“ gebührt ein besonderer Platz in der litauischen Dichtung: mit ihm endet die Epoche der didaktischen Literatur, mit ihm beginnt die Zeit der reinen Poesie. Nach dem Erscheinen des „Hains“ konnte man in der litauischen Literatur nicht mehr so dichten wie bisher, wie bis zu diesem Meisterwerk, das so groß ist wie der Puntukas. Der Stein Puntukas, den ringsherum, schwingend wie feine Harfensaiten, die Fichten des Hains umgeben, begann in den Händen des großen Juweliers — wenn man sich bildhaft ausdrücken darf — zu funkeln wie ein Riesendiamant, und die schlanken Fichten erklangen wie goldene Harfensaiten. „Der Hain von Anykščiai“ hat eine außergewöhnliche Rolle gespielt: von dem in einen Diamanten verwandelten Stein Puntukas, an den Harfensaiten des Fichtenwaldes vorbei hat er der litauischen Dichtung den Weg gewiesen in ihr goldenes Zeitalter.

Frische Impulse gehen aus von diesem Mitte des 19. Jahrhunderts entstandenen schlichten Werk mit seiner gedrängten Darstellung,

das man sowohl zum Genre der kleinen Poeme, als auch zu dem der großen Gedichte zählen kann; die Wirkung dieser Verse erstreckt sich auf die litauische Literatur bis ins 20. Jahrh. hinein und wird vielleicht noch weiter reichen. Diese Dichtung, dieser Ausbruch des poetischen Gefühls, wie aus dem Stegreif gesprochen in einem Atemzug, wirkte wie ein plötzlich aufflammender Blitz. Es sind lebendige, pulsierende Verse, eher spontan, im Moment der Eingebung entstanden als geplant und angelegt in ebenmäßigen Zeilen; diese Dichtung ist keine rational berechnete und deshalb auch keine starre Konstruktion. Denn es liegt auch nicht im Wesen des Dichters, eines reinen Ostaukštaiten, daß er sich an das rationalistische Werk eines poetischen Ingenieurs macht: die Ostaukštaiten sind Lyriker, impulsiv, bis in die Tiefe der Seele ihrer Eingebung unterworfen. Diese poetische Eingebung und das Liedhafte prägen den ganzen „Hain“ von der ersten bis zur letzten Zeile. Die gefühlsbetonte, improvisierte Form des „Hains“ bringt diese Dichtung der modernen Poesie nahe.

Aber das ist noch nicht alles! Der geraffte Stil, die auf litauische Art zurückhaltende und bäuerlich sparsame Erzählung erinnert an ein Konzentrat, das so hart ist wie der Stein Puntukas! Solche Konzentrate werden in einem modernen wissenschaftlichen Laboratorium durch Pressen des Stoffes gewonnen. Der Dichter des „Hains“ arbeitet — wenn man vergleichen darf — noch wie ein Alchemiker. Aber es ist ihm bereits bekannt, wie man hohe Temperaturen und Überdruck erreicht. Das Herz dieses Wortalchemikers hat eine außergewöhnliche Spannung, eine außergewöhnliche Verbrennungstemperatur erzeugt!

Außerdem war Antanas Baranauskas ein begabter Mathematiker, dem die präzise, knappe Ausdrucksweise auch deshalb schon nicht fremd war. So hat denn dieser talentvolle Dichter und Mathematiker einen besonderen Effekt des Wortes erzielt. Der lakonische „Hain“ — eigentlich ist es ein poetisches Konzentrat — enthält sehr viele ganz neue prosodische Komponenten, die unsere moderne Poetik bereichert haben, da von ihnen frische Impulse ausgegangen sind. „Der Hain von Anykščiai“ ist die Schöpfung eines Novators.

Ich möchte nicht den Leser um den ersten Eindruck bringen und verzichte deshalb auf eine detaillierte Analyse dieser Dichtung. Der Leser wird sehr bald das wunderbare Werk selber kennenlernen, selber seine Schönheit empfinden und selber seinen unvergänglichen Wert erfassen können. Aber der Klarheit wegen müßte ich doch einiges hinzufügen. Ich müßte wenigstens mit ein paar Worten meine oben geäußerten Gedanken erläutern. Erstens sei daran erinnert, daß dieses Werk von einem jungen dreiundzwanzig- bis vierundzwanzigjährigen Dichter geschaffen wurde, und deshalb strömt — ja, es strömt wahrhaftig! — aus jeder Zeile dieser sogenannten epischen Erzählung, aus jeder Metapher, aus jedem Wort eine junge, unverbrauchte lyrische Energie. Weiterhin sei daran erinnert, daß es die Schöpfung eines jungen Seminaristen war, der aus der drückenden Enge des Priesterseminars in die absolute Freiheit und die Schönheit der Natur geflohen war, als er zu den Sommerferien in seine Heimat zurückgekehrt war. Hier umfing ihn wieder die Weite der Felder und der Zauber der Wälder, hier hatte er noch als Kind das Vieh gehütet, hier hatte er gespielt, ge-

jauchzt, hier hatte sich seinem staunenden Blick und seinem Herzen die Schönheit der Welt erschlossen und hier hatte er im Schoße der wundervollen litauischen Natur den ersten Lebensunterricht bekommen. Deshalb ist es auch nicht erstaunlich, daß der junge Dichter, als er das Arkadien seiner Kindheit wiedersieht, sich so unbändig freut wie ein Fohlen, welches sich im Klee wälzt.

Diese Stimmung, diese poetische Begeisterung fühlen wir, wenn wir den „Hain“ lesen. Bewunderswert ist auch, daß alle Farben des Waldes auf seiner poetischen Palette so frisch, so neu wirken, wie auf einem eben fertiggemalten Bilde, das noch nach Ölfarben riecht. Dabei führen echte poetische Inspiration und der Enthusiasmus für die schöpferische Arbeit die bereitwillige Hand des Malers — wir dürfen mit Recht den Dichter des „Hains“ so nennen!

Wollen wir einen Blick auf die metaphorische Zeichnung werfen! Wie ist sie doch genau! Scharf gestochen wie von einem Graphiker! Jedes Gewächs im Hain, jedes Ding, jeder Vogel, jedes Tierlein ist so sorgfältig, bis ins Kleinste genau gezeichnet und gemalt, daß man sie, scheint es, mit den Fingern betasten kann. Und doch hält sich der Dichter nicht an die Regeln der naturalistischen Zeichnung; er transformiert die Dinge mit Hilfe der Epitheta und der poetischen Figuren und verleiht ihnen einen ganz neuen, einen ästhetischen Status. Er hüllt ein gewöhnliches Objekt in einen besonderen, poetischen Schleier ein, umgibt es mit einer nicht alltäglichen,— einer festlichen und ungewöhnlichen Atmosphäre. Jedes Detail des Regenbogengewebes seiner Dichtung wirkt poetisch gehoben. Deshalb sind die Pilze nicht einfach Waldpilze:

jede Art hat ihre authentische, individuelle Charakteristik: die Fliegenpilze sind zum Beispiel „narbig“ und erinnern ihn deshalb an ein pockennarbiges, vielleicht einmal in der Kindheit erblicktes rötliches Gesicht, die Pfefferpilze sind „schleimig“ und sehen vielleicht den Augen der Kälbchen ähnlich, die er einst gehütet hat. Und plötzlich wird eine ganze Kette von bunten Pilzen sichtbar: „Tupfen von Pilzen auf grünem, rötlichem, weißlichem Grunde...// Hier sitzen rötliche, blaugrüne Täublinge dicht beieinander.“ In den Versen des „Hains“ spiegelt sich auch eine neue Denkart wider, das assoziative Denken, das so kennzeichnend für die moderne Poesie ist. Für den Dichter sind die Büsche im Walde „grasbürtig“ und „Haselsträucher erheben die Nußtrauben hoch auf den Zweigen, // Lassen die Nüsse im Hitzestau reifen.“ Sehr verschiedene metaphorische Umrisse gewinnen in dem Poem die Bäume im Walde. So heißt es: „Stamm an Stamm schlägt da hart aneinander, schaukelnd wie Schilfrohr.“ Das sind nicht mehr einfache Bäume, sondern schon Symbole für etwas tief im Bewußtsein Ruhendes.

Ich möchte nicht dem Leser mit vielen Beispielen der poetischen Transformation lästig fallen, weil er sie selber in dieser zauberhaften Landschaftspastorale entdecken wird. Ich möchte nur eines hervorheben: ich habe alle 342 Zeilen des „Hains“ aufmerksam durchgelesen und habe keine einzige Zeile gefunden, die die dargestellten Bilder nicht auf die oder jene Weise metaphorisch schildert. Das bedeutet, daß der Autor die magische Kraft der Poesie fühlte und vielleicht sogar erfaßte. Ohne Metaphorik kann man in der Poesie überhaupt keine magische Wirkung erzielen. Die metaphorische Gestaltung schafft ein magisches

Feld, das den Leser anzieht. Dieses Geheimnis der Poesie hat wohl der Meister der Wortalchemie erkannt, und diesen Weg hat er dann auch eingeschlagen.

Ich möchte gleichfalls auf die plastische Manier des Dichters sowie noch einmal hier auf den Farbenreichtum seiner Palette aufmerksam machen und vor allem auf die Art, wie er diese Farben verwendet. Zuerst sei die Hierarchie der Objekte im „Hain“ erwähnt: sie beginnt mit dem Moos, den Pilzen, den Gräsern, den Blumen, daraufhin folgen Büsche und zum Schluß kommen die Kronen der Bäume. Diese bewußt angestrebte Hierarchie hilft dem Dichter die gesamte Landschaft zu erfassen, zu gestalten und den Eindruck eines vollendeten, zugleich aber vielschichtigen Bildes zu schaffen. Mit einigen sparsamen — manchmal nur andeutenden — Strichen gelingt es dem Dichter, eine maximal harmonische Wirkung zu erzielen. Und das ist schon an sich das Kennzeichen einer großen Meisterschaft. Die Farbpalette des Dichters im „Hain“ kommt der Pracht des Regenbogens gleich. In sechs Verszeilen — oder mit sechs Strichen — gelingt es dem Autor die Grundfarben aller vier Jahreszeiten wiederzugeben, und das ist gerade ein ziemlich seltenes Beispiel dafür, wie ein Dichter in jener Zeit auf moderne Weise Assoziationen gruppiert. Durch die Buntheit der Farbpalette gewinnt das poetische Bild ein impressionistisches Gepräge. Dabei herrscht die grüne Farbe vor. Dieses satte, reiche, glänzende Grün ist unsere spezifisch litauische Farbe. An unserer Bernsteinküste, in unserem Lande des Regens und der Winde, gibt es mehr Grün als andere Farben.

Aber das ist nur die eine Seite. Wollen wir uns auch der anderen zuwenden. Im „Hain“ sind zwei Linien zu beobachten: die eine ist die melodische, die andere die plastische, und beide verflechten sich miteinander wie die Zweige eines Baumes. Der semantische Melos erfrischt die farbige Struktur der Landschaft, macht sie noch lieblicher, verleiht ihr, würde ich sagen, einen geradeaus graziösen Klang. Der Dichter des „Hains“ hatte augenscheinlich ein ideales Gehör. Wie ein großer Graphiker transformiert er sein dargestelltes Objekt durch ein bildhaftes Epitheton oder eine bildhafte Metapher. Wie ein erfunderischer Maler verleiht er der von ihm gefundenen Metapher mit einem Pinselstrich eine besondere Nuance. Wie ein Musiker findet er für jedes seiner Bilder eine passende Tonart. Seine melodische Gestaltung weist gleich der plastischen eine hierarchische Struktur auf: von den niedrigsten Tönen zu den höchsten, vom subtilen Pianissimo zum mächtigen Forte! Wollen wir doch lauschen, wie die Nacht flüstert:

„Aber um Mitternacht ist es so still, daß du hörst, wie ein junges Blatt, auch ein zartes Blütchen auf einem Zweig sich entfaltet, Hörst, wie der Bäume heilige Sprache flüstert durchs Astwerk, Wie die Sterne erschauern, kalt auf die Erde der Tau fällt.“

Nicht jedes menschliche Gehör ist imstande, diese feinen, kaum hörbaren Töne zu vernehmen. Diesen subtilen Effekt kann nur ein großer Meister erzielen, dessen Herz ergriffen ist von der Harmonie des Weltalls und dessen absolutes Gehör solche Töne vernimmt wie das Erschauern der Sterne hoch am Himmel, wie das Fallen und Zerstieben

der silbernen Tautropfen zu unseren Füßen. Um derartige Stellen im „Hain“ könnten den Autor viele symbolistische Dichter beneiden.

Aber plötzlich stoßen wir auf einen ganz anderen Akkord, den der Dichter durch Lautmalerei beinahe im Forte erzeugt:

*„Sieh, die Enten „prieih! prieih!“ fliegen im Moore zusammen;
Sieh dort, der Wiedehopf fragt sein Weib, seinen Sohn auch, den kleinen:
„Was, was; was? Was soll ich euch bringen? Was redet ihr Unsinn?
Was, was, was? Körner, Regenwürmer, vielleicht auch noch Fliegen?“*

So kontrastvoll ist also die Versmelodie! Wie weit ist doch der Tonbereich des semantischen Melos! Dabei ist zu bemerken, daß der eben zitierte lautmalerische Auszug, wie vieles andere in der Poesie, am ehesten den Tiefen des Bewußtseins entstammt, wo diese musikalisch verzierthe Metapher sich noch von der Kindheit allmählich herangebildet hatte, als der Knabe die Schafe auf den Waldlichtungen und auf den weiten Wiesenflächen gehütet hatte. Das Kindheitsarkadien verfolgt viele Dichter bis ins Greisenalter hinein. Häufig kommen die interessantesten, die stimmungsvollsten, die poetischsten Anregungen aus diesem Lande, dessen Pulsschlag bis ans Lebensende zu fühlen ist. Der nie aussetzende Pulsschlag dieses Landes regt den Künstler zu seinen interessantesten, stimmungsvollsten und poetischsten Werken an. So, denke ich mir, ist es auch in diesem Falle gewesen. Ich glaube, daß der Dichter des „Hains“ mit Tränen in den Augen aus der Tiefe seines Herzens diesen synkopierten Akkord schöpfte, als er in den Wipfeln

der Bäume das Zwitschern und Trillern der bekannten Vogelstimmen vernahm. Wahrscheinlich traten ihm auch Tränen in die Augen, als auf der singenden Waldharfe andere Melodien erklangen, als alte Kindheitserinnerungen ihn wieder heimsuchten, als das Echo des längst verhallten Hirtenliedes wieder erscholl. Als er sich an jene Zeit erinnert, die immer von einem alten Märchen begleitet wird, kann der Dichter nicht umhin, mit zwei kleinen Bernsteininkrustationen sein musikalisches und plastisches Werk zu verzieren, mit zwei echt litauischen Märchen, mit dem Motiv von Eglé, der Natternkönigin und einer Version von der Entstehung des Puntukas-Steins im Hain seiner Heimat. Beide eingeschalteten Stücke verschmelzen zu einer kompositorischen Einheit mit dem übrigen Sujet, verleihen dem Stil, würde ich sagen, eine noch stärkere metaphorische Note. Der Leser merkt, daß der Dichter auch den Geruch des Waldes begeistert aufnimmt. Bei seiner Schilderung bedient er sich gleichfalls der metaphorischen Ausdrucksweise wie z.B. an der nachfolgenden Stelle: „Hier ergießt sich plötzlich ein Blütenduft — wie aus dem Garten.“

Die beiden Hauptzüge des „Hains“ sind jedoch eben die Plastizität und die Musikalität. Sie bilden das strukturelle Gerüst des poetischen Stils. Durch die Vereinigung der beiden Gestaltungsmittel, der Polychromie und der Polyphonie, gelang es dem Autor, einen besonderen poetischen Effekt zu erzielen. Sein ganzer „Hain“ raschelt, knackt, klopft, keckert, flüstert, zischt, schnattert, plätschert — alles vereinigt sich zu einer farbenfreudigen Melodie. „Der Hain von Anykščiai“, das Poem von Antanas Baranauskas, klingt wie die Symphonie von Mikalojus

Konstantinas Čiurlionis „Der Wald“. Dabei ist es eine Vision wie die Visionen auf den Gemälden von Čiurlionis.

Vielleicht ist es dem Leser nicht ganz klar, warum der Dichter, als er zu den Sommerferien in seine Heimat zurückkehrte und den Hain gefällt sowie gerodet wiederfand, die einstige Pracht besang und traurig feststellte:

*„Alles ist jetzt verschwunden: nur auf dem Felde, dem kahlen,
Blieben noch einige Föhrenstämmchen, gekrümmmt und ganz windschief!..“*

Es war der Aufschrei eines liebenden Herzens, ein Hilferuf, der verhallte! Mit Säge und Axt hat man beinahe alle Bäume des Hains in jener Zeit vernichtet. Neue historische Verhältnisse, die Mitte des 19. Jahrhunderts mit der sozialen Struktur sich ändernde Psychologie der Menschen, die fremden Herrscher, die sich für das Land und seine Wirtschaft überhaupt nicht interessierten, schließlich auch die unersättliche Habgier der Menschen haben die einst fruchtbare, blühende Gegend in einen wüsten Landstrich verwandelt, in höckerige Hügel mit einigen verkohlten Baumstümpfen darauf. „Berghügel, stubbenbesät, von Bäumen entblößt alle Hügel“, klagt der Dichter. Das ist die historische Wahrheit, von der man sich nicht abwenden darf. Der Dichter versucht Zuflucht zu finden in einem romantischen Traumland, in seinen Visionen. Er war noch sehr jung, voll geistiger Kraft und tiefen Glaubens an den Menschen, aber erst hier am Fuße des Puntukas, wurde er hellsichtig. Eine Vision fassen wir wohl als etwas auf, was auf die Zukunft gerichtet ist. Hier ist es aber anders! Der Sommertraum von Antanas Baranauskas,

der wüste Landstrich und die verzweifelte, schutzsuchende Stimme, die ihm auf den höckerigen Hügeln erklang, ist wohl eher eine retrospektive Vision. Etwas Ähnliches haben wir schon in der „Art“ von Simonas Daukantas beobachtet. Antanas Baranauskas ist den Weg weitergegangen, den Daukantas in der „Art“ eingeschlagen hat. Das Gedächtnis des Dichters machte sich an eine eigenartige Arbeit, an eine „Restauration“. Er schildert das einstige Bild des Hains von Anykščiai, wie er es in der Kindheit als Hirt gesehen hatte, aber er ging noch einen Schritt weiter. Der Text des „Haines von Anykščiai“ versetzt den Leser in die Vergangenheit und regt ihn zum Nachdenken an über die geschichtliche Entwicklung des Menschen.

In seiner Retrovision kehrt der Dichter in jene Zeiten zurück, als der Mensch noch ganz nahe der Natur stand und sich als von ihr untrennbar empfand, als mancher Forst, Hain und Wald noch für heilig und unantastbar galt. Unter dem Einfluß verschiedener anthropomorphistischer Empfindungen behauptet der Dichter, daß es immer so hergehen müßte wie in jenen längst vergangenen Zeiten. In seiner Retrovision fühlen wir eine geradeaus heidnische Achtung und tiefe Ehrfurcht vor der großen Natur sowie eine grenzenlose Liebe zu ihr. Die Entfremdung des Menschen von der Natur würde zu einer unvermeidlichen Katastrophe führen. Das Vorspiel zu einer solchen Katastrophe — als Resultat der Entfremdung des Menschen von der Natur — schildert gerade der Dichter in dem „Hain von Anykščiai“. Die Katastrophe erstreckt sich aber über die Grenzen des Hains, und das Geschilderte ist nur eine kleine Episode in der ökologischen Tragödie.

„Der Hain von Anykščiai“, eine zauberhafte Fata Morgana, ist im Grunde genommen eine Kontemplation, ein Moment der beschaulichen Ruhe, erfüllt von Stimmungen und Impressionen. Es ist ein heidnisches, an die lebendige Natur gerichtetes Gebet. Es ist Goethes Augenblick, zu dem der Dichter sagen könnte: „Verweile doch, du bist so schön!“ Und mehr nichts! Jegliche Fabel, jegliches Sujet fehlen in diesem Poem. Und trotzdem offenbart sich hier das ganze Herz des Dichters, das ja auch eigentlich der lyrische Held dieses Poems ist. Dabei erfüllen es verschiedene Stimmungen, die im Nu wechseln — vom resignierenden Moll bis zum hellen Dur. Aber ein, meiner Ansicht nach, wichtiger Umstand ist zu beachten: die Passion in Moll und den Jubelgesang in Dur vereinigt ein von Unruhe geprägter Kontrapunkt, der Gedanke des Dichters, seine Besorgnis, daß die Symptome der Entfremdung des Menschen von der Natur immer häufiger auftreten.

Und doch erschließen die Überlegungen des Dichters eine ganz neue Perspektive in dieser poetischen Retrovision: obwohl ihn die Zukunft beunruhigt, glaubt er daran, daß diese Entfremdung zu überwinden ist, denn der Mensch ist ein untrennbarer Bestandteil der Natur und deshalb wird er sich niemals ganz von der Natur loslösen können — er kann es einfach organisch nicht, er ist ein Gefangener der Natur. Wenn es ihm aber eines Tages trotzdem gelingen sollte, so würde der Mensch als Produkt der Natur daran zugrunde gehen. Das jedoch wünscht sich wohl kaum jemand! Daran glaubt auch nicht der Dichter, wenn er über den Menschen sagt: „Hört er im Lied nur vom Wald, kann ohne ihn nimmer leben“. Die Vernunft wird es letzten Endes nicht zulassen, daß die Menschheit untergeht!

„Der Hain von Anykščiai“ ist ein schönes Denkmal, das Antanas Baranauskas zu Ehren der Heimat errichtet hat, zu Ehren ihrer Menschen, ihrer Landschaft, der poetischen, musikalischen, einzigartigen litauischen Sprache, die er so geliebt hat.

Diese Dichtung erweist sich heute noch als aktuell in mancherlei Hinsicht und spricht auch den modernen Menschen, unseren Zeitgenossen, an. Ich denke, daß sie auch denen Freude bereiten wird, die sie übersetzt in eine fremde Sprache lesen werden, denn der „Hain von Anykščiai“ ist eine Perle der Weltliteratur.

EDUARDAS MIEŽELAITIS

Übersetzt von
INA MEIKSINAITĖ

A MONUMENT TO THE HOMELAND

“The Forest of Anykščiai” by Antanas Baranauskas holds a special place in Lithuanian poetry. This work marked the end of didactic literature and the beginning of the age of pure poetry. After this major poetic work which can be likened to Puntukas, a huge boulder in the forest of Anykščiai, surrounded on all sides by pine-trees, straight and taut like harp strings, it was impossible to write in the old way. In the hands of a great master, the grey stone of Puntukas burst out sparkling like a huge diamond, while the pine-trees began to resound with the music of the golden harp strings. “The Forest of Anykščiai” has played a unique role in our literature: it launched Lithuanian poetry onto the road leading to its Golden Age.

Poetic repercussions of this modest and compact work, born in the middle of the 19th century, the work which can be equally regarded as a small narrative poem and a long verse, reach well into the middle of the 20th century and perhaps extend into the future. The poem resembles an outburst of a poetic emotion, a flash of lightning or an improvisation

uttered in a single breath. It is a living, throbbing work, born in the moment of elemental inspiration, the result of a sudden vision rather than a planned and rational product set in the form of verses. A rational poetic design was alien to the heart of Antanas Baranauskas, a native of Aukštaitija (Lithuania's North East). People in those parts are lyrical and impulsive by nature. "The Forest of Anykščiai" from its first to its last line is permeated with poetic impulse and melodious lyricism. In its character, so elemental and spontaneous, this work comes close to the poetry of the present age.

This compact, laconic and reserved work, so characteristically Lithuanian, resembles a hard, diamond-like substance which can be synthesized only in a modern research laboratory. The passionate and questing heart of the poet, an alchemist of the word, had prompted to him the secrets of this synthesis. Baranauskas, who was also a talented mathematician, knew how to express himself precisely and laconically. His poem, "The Forest of Anykščiai", a kind of a poetic concentrate, contains a wealth of the most innovative prosody which has given many new impulses to modern Lithuanian poetry.

I would not like to run ahead of the reader and launch into a detailed analysis of the poem. The reader will soon get to know this wonderful work and will be able to appreciate its lasting appeal and see its survival value. Yet I should like to offer some arguments in support of the ideas expressed above. First of all, it is necessary to remind the reader that the poem was written by a young man (he was twenty-three or twenty-four years old at the time). Each line, each metaphor, each single word of

this seemingly narrative poem sparkles with young, elemental and unspent lyrical energy. Baranauskas, a student of a theological seminary at that time, escaped from the pent-up atmosphere of the seminary into the absolute freedom and world of beauty, finding himself in the shelter of nature. He arrived home for the summer only to get under the spell of the vast expanses of fields and woods where he had spent his childhood, where he had looked after the animals, where he had played with his mates and frolicked, where he had admired the beauty of the world opening before his eyes and heart, where, in the haven of the enchanting Lithuanian nature, he had been given his first lessons in life. Small wonder that the young seminarist, finding himself in the Arcadia of his childhood, would roll like a young colt on a clover field. The reader cannot fail to feel this rapturous mood, this poetic enthusiasm. It is no wonder that all the colours of the forest on Baranauskas's poetic palette are so fresh and vivid — one can still feel the smell of paint on a freshly painted canvas. The supple hand of the painter, and the author of "The Forest of Anykščiai" rightly deserves this name, was guided by a genuine poetic inspiration and creative enthusiasm.

Let us have a closer look at his imagery, so precise and apt, reminding one of the precision of a graphic artist. Every plant of the forest, every bird or animal is painted so faithfully that you have the feeling you could touch them. Yet the author of the poem does not follow the rules of the naturalistic school. He transmits an object of reality through the prism of epithets and other poetic figures, thus imparting to it a new, purely aesthetic status. He drapes over an object of reality a poetic veil, envelops

it in a festive and unusual atmosphere, remote from its everyday existence. Hence mushrooms are no longer ordinary forest mushrooms: in the poem each of them is given a character of its own:

*Here button-mushrooms in the setting green,
Reddish or grey of their estates are seen.*

or:

*Here thrive the mushrooms that are nicknamed “swine”,
While others round as plates lie flat and shine.*

Then the poet's eye is caught by a riot of colours:

*Here under firs bright saffron caps abound,
Here green russula break through frosty ground.
Brown, blue and grey ones gaily congregate
With nothing to disturb their natural state.*

The poem offers numerous instances of a new way of poetic thinking based on associations akin to modern poetry. Here “green-bearded bushes mark the forest edge”, “in clusters hazelnuts hang high above in sunshine basking”.

Interesting images are employed to describe the rich kingdom of trees. They are no longer ordinary trees but symbols of something hidden deep in the poet's memory. I should not like to burden the reader with the numerous instances of poetic transformations which he will soon be able to appreciate himself in this beautiful landscape pastoral. In all the

342 lines of the poem I failed to find a single line which did not attempt to metaphorically transform reality in one way or another. The poet had a keen sense of the magic power of poetry. Without a metaphor, poetry cannot expect to achieve its magic affect. Metaphoric imagery creates its own field which lures the reader into its depths. This secret of poetry was well known to Baranauskas, a master of word alchemy.

Another thing that should be pointed out is the author's pictorial gifts and the way he uses them. This is evident in many places, especially in the way he depicts the plant life of the forest in all its hierarchy, starting with moss, then mushrooms and grasses, flowers and shrubs and finally culminating in the rich kingdom of trees. Such a detailed view helps the poet to embrace all the aspects of the forest landscape and to achieve the fullness of effect. With a few laconic strokes the poet achieves the effect of harmony which testifies to his great mastery. The author's palette resembles the rainbow. In a stanza of six lines, of six brush strokes, the poet manages to evoke all the principal colours of the four seasons of the year. In this ability the 19th-century poet comes close to contemporary poetry with its characteristic manner of grouping associations. The variety of his palette imparts to his canvas a certain impressionistic character. Baranauskas' dominant colour is green. This rich and vivid colour is the characteristic colour of Lithuania, a land of rains and winds, on the amber coast for the Baltic Sea. The whole poem is done in vigorous brush-strokes of green.

Colour is only one side of the poem. The other side is music. Both colour and music form one inseparable whole. The musical side of the

poem adds greater vitality to all the colour scheme of the forest landscape and gives more gracefulness to it. The author of "The Forest of Anykščiai" must have had an absolute sense of pitch. Like an accomplished draughtsman he transforms any object he depicts into a vivid epithet or metaphor. Like an inventive painter he finds for each metaphor a characteristic colour. Like a musician he seeks a specific sound gamut for each particular image. His musical and his pictorial range have their own hierarchy from the lowest to the highest notes, from the most subtle pianissimo to the strongest forte. Here is how Baranauskas describes the night sounds:

*While midnight brings a silence that is so
Profound you hear each leaf and flower grow,
Here tree to tree in gentle whispers call,
Each star through heaven move, each dewdrop fall.*

It is not every ear that catches such subtle sounds, sounds that cannot be really heard. Such an effect can be achieved only by a great master whose sensitive heart has been moved by the harmony of the universe and whose ideal sense of pitch can catch the sounds produced by stars moving through heaven or by silvery dewdrops falling and splintering into fragments. Even poets of a later period, the symbolists, could envy the author of "The Forest of Anykščiai" such a passage. Then, all of a sudden, a flood of sounds rushes at us, resounding with the forte of onomatopoeia:

*On marshes ducks are landing one by one.
The hooping hoopoe asks his wife and son:*

*What-what-what-what to bring you? Speak in turn!
What-what? A grain of wheat? A fly? A worm?*

The musical pattern of the poem is rich in such contrasts. The range of the poet's semantic melos is exceptionally wide. It should be pointed out that such a passage like the one above, like many similar instances of poetry, has been born in the depths of the subconscious, where the poet must have stored the musical images still in his childhood, when he looked after lambs or calves in the glades and clearings of the Anykščiai Forest. This Arcadia of childhood must have stayed with the poet till his old age. His most interesting, spirited and poetic impulses can be traced back to it. The passage above must have also been inspired by those memories. The poet must have hummed this syncopated chord born in the depths of his mind, with tears in his eyes, on hearing the chirping and warbling of birds in tree tops. Tears must have welled up in his eyes when he heard other similar passages played on the forest harp, calling forth childhood memories, accompanied by the tunes of the shepherd's pipe. The image of those days, days always associated with a fairy tale, prompted to the poet to insert amber-like miniatures into his poem: a motif of the well-known Lithuanian fairy tale about Eglė, Queen of Grass-snakes, and a version about the origin of the Puntukas boulder in the Anykščiai Forest. Both stories fit beautifully into the metaphoric pattern of the forest and bring it into a greater relief. The reader cannot fail to notice that the poet is not indifferent to the various scents of the forest. Here, too, he is faithful to the metaphoric technique of poetry. E. g.:

*What scents abound! Pine resin fills the air.
The scent of flowers gentle breezes bear.
In clearings white-red clover, camomile
And thyme with fragrance rare your nose beguile.*

Yet the poem is mainly built on two principal lines, the plastic and the musical, which, in fact, constitute the structure of this poetic work. By joining polychromy and polyphony, the author of the poem achieved such a magic poetic effect. The whole "Forest of Anykščiai" hums, whispers, calls, rustles, crackles, taps and splutters, producing the effect of colour music. "The Forest of Anykščiai" by Antanas Baranauskas sounds like the symphonic poem "In the Forest" by the great Lithuanian painter and composer Mikalojus Konstantinas Čiurlionis. At the same time it resembles a vision similar to those found in Čiurlionis's paintings.

The reader may wonder, why the poet describes the forest with such love and admiration, if now, upon his return home for the summer vacation, he finds it desolate and bare:

*All, all has gone: in the deserted plain
A few disfigured pines alone remain.*

This sounds like a voice in the wilderness, like a painful sigh. The forest by that time had been nearly completely felled. New historical developments in the middle of the 19th century, the changing social structure and human psychology, the disinterestedness of foreign rulers, the

avarice of people had turned the once beautiful and luscious place into a barren waste and a deserted plain, where the eye meets only "stump-littered hillocks, desolate and bare". Such was the historical truth to which one could not close the eyes. The poet sought refuge in the mirage of a romantic vision. He was yet very young at that time, full of inner strength and firm belief. At the foot of the legendary boulder Puntukas, the young poet was visited by a serene vision. We might think this was a vision of the future. But it was not. That summer vision and the lonely voice of the poet might be viewed as a retrospective vision. A similar attitude was expressed in the writings of Simonas Daukantas, the first Lithuanian historian. Like Daukantas, Antanas Baranauskas took upon himself the work of a restorer. He recreated the image of the Forest of Anykščiai which he had seen in his childhood. He also went a step farther. Beyond the text of the poem you find infinite spaces for thought and historical reflections. In his retrovision the poet went back into the times when man was very close to nature and felt himself its inseparable part, when all the forests and glades and groves were still sacred and inviolable. Under the influence of this anthropomorphic attachment, the poet expressed in the poem his wish that such a state of things could continue. His retrovision is full of pagan reverence, love and even humbleness in the face of Nature.

Alienation of man and nature would result in an inevitable catastrophe. "The Forest of Anykščiai" shows the result of such alienation. The implications of Baranauskas' "Forest" are far-reaching: the poet describes only an episode of ecological suicide.

It is doubtful, however, whether such a retrovision fully satisfied the author of "The Forest of Anykščiai". Perhaps it satisfied his aesthetic aspirations, for the poem is really a work of breath-taking beauty. The poet's thought, however, could have been hardly pleased, for "The Forest of Anykščiai" was only an episode evoked in the moment of mood, impression and contemplation. It sounded like a prayer of a pagan to Nature. It is very much like Goethe's 'Augenblick' and nothing else. The poem has no plot. And yet it reveals to us the innermost corners of the poet's heart. It is the heart that is the principal character of the poem. It is the heart that summons onto the stage various tragic characters, representatives of most diverse moods — from the minor of resignation to the most serene major. Here poetic moods shift with the swiftness of lightning. Yet one particular thing is especially conspicuous: both the minor and major notes have a very clear undertone of discontent. Through it the poet conveys his concern for the growing symptoms of alienation between man and nature. This approach gives an entirely different dimension to the poet's retrovision: in his worry over the future the poet believes that ecological alienation can be overcome. Man is an inseparable part of nature, and he will never be completely isolated from it. He just cannot be. Man is a captive of nature. If, one day, he found himself in complete isolation from nature, he, a product of nature, would perish. And this is something nobody wants. The poet does not believe it will ever happen when he says:

*Our treeless generation from old songs
Learns forest lore and for a forest longs.*

This worry is the expression of a thought. It is thought that will not let man perish. The poet cherishes this wish for his homeland whose nature, man and language he loved so dearly. "The Forest of Anykščiai" is a beautiful monument to his homeland, its people and the Lithuanian language, so melodious and unique.

Thus in many respects, "The Forest of Anykščiai" has a contemporary ring for the modern reader. Even those who are going to read it in translation will not be able to resist the appeal of the poem, a lucid pearl in the necklace of world poetry.

EDUARDAS MIEŽELAITIS

Translated by

OLIMPIJA ARMALYTĖ

Anykščių šilelis

874

Kalnai kelmuoti, pakalnės nuplike!
Kas jūsų grožei senobinei tiki?
Kur toj puikybė jūsų pasidėjo?
Kur ramus jūsų ūžimas nuo vėjo,
Kai balto miško lapeliai šlamėjo
Ir senos pušys siūravo, braškėjo?
Kur jūsų paukščiai, paukšteliai, paukštytės,
Katrų čilbančių taip ramu klausytis?
Kur jūsų žvėry, gyvuliai, žvēreliai?
Kur žvérių olas, laužai ir urveliai?
Visa prapuolę; tik ant lauko pliko
Kelios pušelės apykreivės liko!..
Skujom, šakelėm ir šiškom nuklotą
Kepina saulė nenaudingą plotą,
I kurį žiūrint taip neramu regis:
Lyg tartum rūmas suiręs, nudegęs,
Lyg kokio miesto išgriuvus pūstynę,
Lyg kokio raisto apsvilus kemsynę!..

Miškan, būdavo, eini — tai net akį veria;
Vat taip linksmina dūsią, už širdies tveria,
Kad net, širdžiai apsalus, ne kartą dūmojai:
Ar miške aš čia stoviu, ar danguj, ar rojuj?!

Kur tik žiūri, vis gražu: žalia, liekna, gryna!
Kur tik uostai, vis miela: giria nosi trina!
Kur tik klausai, vis linksma: šlama, ūžia, siaudžia!
Ką tik jauti, vis ramu: širdi glosto, griaudžia!

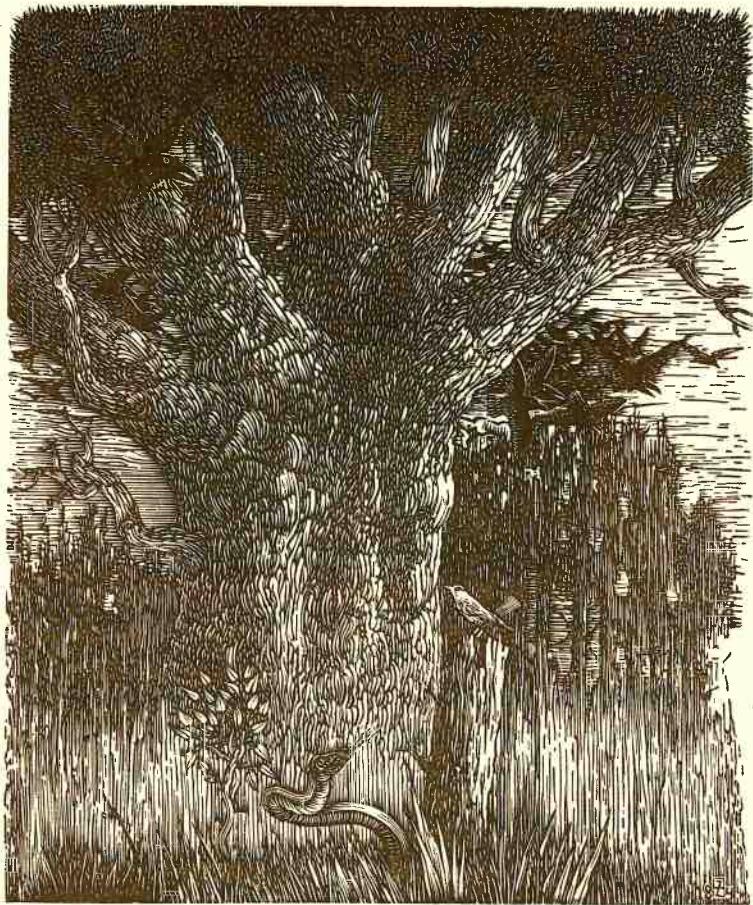
Minkštučiukai samanų patalai ištiesti
Galvą į save traukia ir liula užliesti.
Uogienojai kaip rūtos kelmais kelmais želia,
Juodas, raudonas uogas išsirpusias kelia.
Ant žalio, rausvo, balkšvo dugnio taškai grybų
Tarp medžių marguliuoja iš savų sodybų.

Voveruškų leikelės kur ne kur pro plyši
Iš po samanų marškos sarmatlyvai kyši.
Čia paliepių torielkos po mišką išklotos,
Čia kiauliabudės pūpso lyg pievos kemsotos,
Čia po eglėm šeimynom sudygę ruduokės,
Čia pušyne iš gruodo išauga žaliuokės,
Čia rausvos, melsvos, pilkos ūmėdės sutūpė,—
Linksmutės, gražiai auga, niekas joms nerūpi.
Čia kazlėkai pakrūmėm ant piemenų tako,
Tartum kupkeliai kniūpšt, kaip Mickevčius sako.
Čia nemunės iš kelmo, lepšiai tarp alksnyno,
Čia šalpionai tarp stuobrių dygsta iš skiedryno,
Čia musmirės raupuotos, veršakiai gleivėti,
Čia grybai ir šungrybiai vardais nežymėti.
Anei jų žmonės renka, anei žvėrys graužia,
Jég bėgdami per mišką, galvijai išlaužia,
Arba patys savaime suglebę supūsta,—
Iš jų trąšos želmenim aplinkom išplūsta.
È iš visų viršesnis auga baravykas,
Valig dainuškos žodžių — „grybų pulkaunykas“:
Platus, storas, paspūtės, lyg tartum užklotas
Ant kieto, drūto koto bliūdas palivotas.

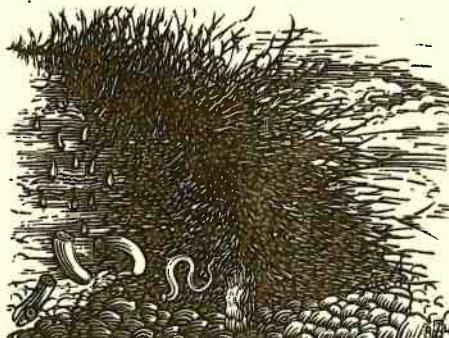
Greit auga, ilgai esti giminių visokių:
Paąžuolių, raudonikių ir kitų kitokiu.

Žali égliai kaip kvietkai po dirvonus keri;
Tarpu jų kiškiai guli, kropkos vaikus peri.
Krūmai, žole barzdoti, kraštais mišką riečia,
Ir linijos perejos skersai mišką šviečia.
Alksniai, lepšių sodyba, palaukém sužélę,
Šakom kekes riešučių lazdynai iškélę
Atokaitoj brendina. Ė karklai po slénj
Tarp liulančių paversmių pamègo pavènę.
Putinai krauju varva, serbentai po Šlavę
Ir paliüném kur ne kur prieglaudą sau gavę.
Baltasai miškas kalnais, kaip tik padaboji:
Čia berželiai kaip meldai Pašlavij apstoje,
Čia visais lapais dreba epusés nusgandę;
Kožnoj klaiką nekantrios žalktyčios atrandi.
Čia ąžuolai ir uosiai prie eglių sustojo,
Lyg tartum čia žalktienė patį apraudojo,

Kai pieno putos vietoj kraujo puta plūdo
Ir su vaikais iš savo motiniško sūdo
Medžian gailysta virto — pati egle tapo,
Jaunučiukus aptaisė vaikus rūbais lapo.

Ieva, gluosna ir blendis, grūšia, obelėlė;
Savo seserį skundžia liekna sedulėlė.
Vinkšnos, šaltekšniai, liepos ir nesuskaityti
Kitokiu medžių skyriai tarp jų išsklaistyt.
Juos tiktais miške augę žmonės tepažjsta,
Daktarai ir žiniuonys, ką po miškus klysta;
Jų lapais, jų žievelėm arba šaknia kieta
Nuo ligų ir padarų gydžia visą svietą.

Ė mum prastiem žmonelėm tik žiūrėt patogu,
Kai juos dengia apveizda žalių lapų stogu;
Kai kožna burbuolytė išsprogsta, suskyla,
Kai žiedų varške šakos obelų pražyla,

Kai pervasar žaliuoja tamsaus šilo šone,
Kai rudenipop lapeliai geltoni, raudoni
Tartum krauju Marčiupio pakalnes aptraukia
Ir kai pliki stabarai pavasario laukia.
Ė pušelės! pušelės tos nesurokuotos!
Tankios, aukštos ir lieknos, viršūnės kvietkuotos,
Ir vasarą, ir žiemą kaip rūtos žaliuoja,
Liemuo liemenį plaka, kaip mendrės siūruoja.

Už pusvarsčio nesmato — toksai tankumynas!
Nors nei laužais, nei šiekštoms neužgriuvęs, grynas;
Nei šakelės nudžiūvę, neužpynę vietas,
Pušys aukštos ir lygios, tartum nugenėtos.

É kvépimas, jau ką g! Čia sakais pušelių,
Čia vėjelis dvelkteli su kvapu žiedelių:
Jauti pievos dobilą, baltą ir raudoną,
Jauti ramunes, čébrus — žoleles dirvonų;
Jauti iš juodo kapčiaus skruzdėlyno kvapą,
Ir iš medžių, iš skujų, iš šiškų, iš lapų
Vis kitoki kvépalai: kaip vėjelis dvelksi,
Kožno karto kitokiu kvapu užsivelgsi.
Čia samanos su brukniom šileliu užpluko;
Čia medžio žiedų kvapas — lyg sodas pratrūko.
Tartum miškas kvépuoja nelyginant žvėris:
Savo kvapus po laukus kaip berte paberbės,
Laukais, pievom atgauna. — Viduj pušyneliu
Jauti sau gražiai kvapą dirvą ir pievelių.

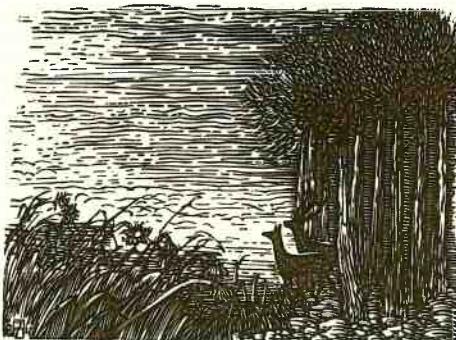
Ir taip visa sumyšta, vėjeliu praskysta,
Kad nei nosis šių kvapų visų nepažjsta;
Tik tartum giria, pieva ir laukas sustarę,
Iš brangiausią kvėpalų mišinį padare,
Dievui ant garbės rūko taip ramiai, taip meiliai,
Lyg kad skripkuoja, juokias, gieda, verkia gailiai,
È tie balsai visoki taip krūvon susiaudžia,
Kad jų skyrium nežymu,— é tik širdi griaudžia.

Ai siaudžia gražiai miškas, netil kvėpia gardžiai,
Siaudžia, ūžia ir skamba linksmai, dailiai, skardžiai.
Vidunaktyj taip tyku,— kad girdi, kaip jaunas
Lapas arba žiedelis ant šakelių kraunas;
Girdi, kaip šakom šnibžda medžių kalba šventa,
Kaip žvaigždelės plevena, gaili rasa krinta.
Dél to ir širdyj visos pajautos nutilsta,
Ramum tykumu, malda dūšia dangun kilsta.
È kai jau, dienai brékstant, rytai šviesa twinksta,
Rasos pilnos žolynų žemyn galvos linksta,

Tada šilas nubunda, visa ūra tyla,
Prasideda pamažu šventa dienos byla.
Kas ten šlama? — Ė vėju papūstas lapelis,
Ėgi gūžtoj nubudęs sujuda paukšteliš.
Kas ten treška? — Ė vilkas: dieną mat užuodžia,
Iš naktinės medžionės per pakrūmes skuodžia.
Ėgi lapė į olą, žąsioką įskandus,
Ėgi barsiukas bėga, išlindęs iš landos;
Ėgi linksmutė stirna per pušyną striuoksi;
Ėgi pušin iš pušies voverytė liuoksi;
Ėgi mat širmuonėlis ir kiaunė juodoji
Ir visoki žvėreliai po mišką ulioja.
Kas ten taukši? — Ė stuobrį kapoja genelis.
Kas mekena? — Ėgi mat perkūno oželis.
Kas ten šnibžda? — Ė šnypščia iš kelmo piktoji,
Ėgi srove teškena upelė Šventoji.
Kas ten kalbas? — Ė žąsys paupėj gagena;
Ėgi mat lizde starkus pamiskėj klegena;
Ėgi antys „pry! pry! pry!“ priskridę į liūną;
Ėgi kukutis klausia savo pačią, sūnų:
„Ką, ką, ką jums atnešti? Ką jūs kalbat niekus?
Ką, ką, ką, ką? ar grūdus? ar musias? ar sliekus?“

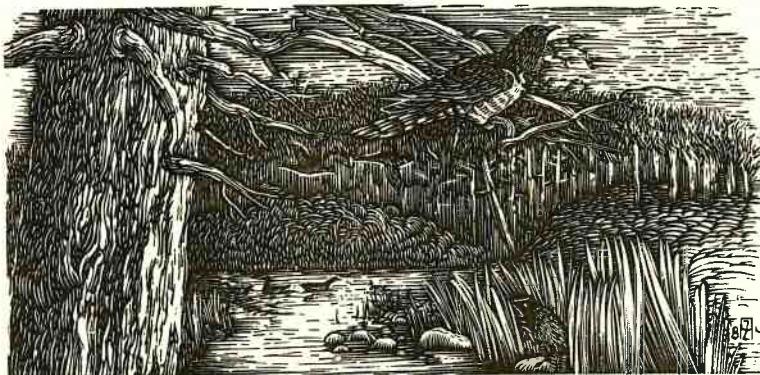
Ėgi mat gegutėlė dairos ir kėtojas:
Čia kukuodama verkia, čia juokias kvatojas.
Skamba tik, skamba miškas: čia volungė Ievą
Trotina: „Ieva, Ieva! neganyk po pievą!“

Čia paupėj: „ri-u! ri-u! ri-u!“ — tilvikas sušuko,
Čia vėl balsų visokių — lyg trūkte pratrūko.
Vis kitoki balseliai, vis kitokios bylos;
Dagiliai, pečialandos, strazdeliai, čyžylos,
Kékštai, šarkos ir kitos vis saviškai gieda:
Toj juokias, toj vaitoja, ē toj niekus klieda.
Ė už visus viršesnis lakštingalės balsas:
Pilnas, skardus, griaudinges ir, taip sakyt, skalsus:

Skamba, ūžia per krūmus ir vis kitaip mainos,
Ir vis dūšion įsmenga — lyg Lietuvos dainos.
Tie visoki balseliai taip krūvon suplaukia,
Tartum kožnas lapelis čilba, kliauga, šaukia,
Ir sutartinė taiso, ir taip gražiai dera:
Siaudžia tik, tartum siaudžia — rentavimo nėra.
Anei tų balsų ausis skyrium nepažįsta,
Lyg kad ant žalios pievos žolynai pražysta,
Ir visoki žiedeliai taip tarp savęs pinas,—
Kad iš tolo tik regis gražus margumynas.

1858 m. Anykščiuose

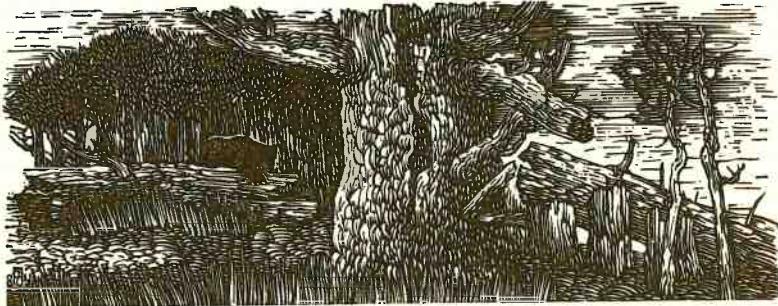

Ai būdavo, būdavo iš mūsų šilelio
Didžiausio patogumo, gražaus ramumėlio!
Ė tas visas ramumas po lietuvių dūšias
Lyg lygumoj véjelis po žoleles trašias
Plaukydamas lingavo, tamsiom vilniom tvino,—
Dažnai miške lietuvis, ko verkia, nežino.
Ė tik junta dažniausiai, kad širdis neskaudžia,
Ė tik pilna pajautų labai ramiai griaudžia;
Ir lyg rasos žemčiūgais gausiai atgaivinta,
Ir lyg rasa per veidą ašarélés krinta.
Paskum ilgai krūtinėj šilelis kvépuoja;
Atsidusus krūtinė lyg giria linguoja.
Lyg tartum ramumas taip dūšion įslinko,
Kad net dūšia kaip varpa pribrendus nulinko.
Iš to, matai, ašaros ir atsidusimas,
Iš to šventos pajautos, iš to giesmės imas.
Dabar visa prapuolę... tik ant lauko pliko
Kelios kreivos, nuskurdę pušelytės liko...

Jei ant šio išsvilusio po kalnus lydimo
Taip daug širdyj išželia ramaus atminimo:
Tartum kelmai supuvę atgyja, žaliuoja,
Suspynusias viršūnes vėjas plevėsuoja;
Tartum pliki, išdegę, dirvonai šiškuoti
Pasipučia samanom, nuo grybų taškuoti;
Tartum iš tarpu puirių tokie kvapai kilo,
Lyg kad giria pratrūksta ar pučia iš šilo;
Tartum visa sušlamo, sučilbo, supyško
Lyg, dienai brékstant, viduj paniurusio miško;

Jei ant šių plikų plotų, kai mislis užlyja,
Paminklais užvaisytas šilelis atgyja,—
Tai kokio bebūdavo iš seno šilelio
Meilingo atminimo, gražaus ramumėlio,
Kai šie plotai apželę, apgriūti, aptemę
Matydavo kelmuotą apylinkėj žemę;
Kai stuobriai, sieksniais drūti, amžiais įrietėję,
Valig kalbos senelių, perejos kyšėję,
Iš kurių žymu buvę, kad girių čia snausta,
Tankus iš viršaus stogas viršūnėm suausta
Ir netil pulkais meškos ir šernai perėta,
Bet tankumos tarp raistų ir žėbriai turėta!

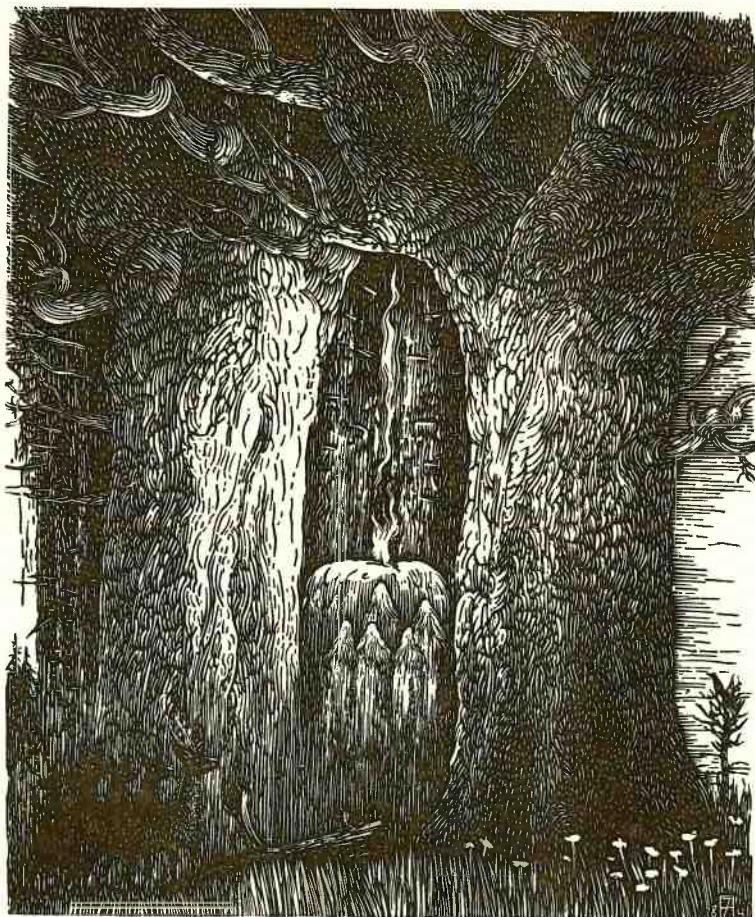

É kur dabar šilelis, buvę miškai šventi,
Kažin kodėl senobėj visiškai išskinti.
Mažir vierą įvedęs Jagiela išskynė,
Kad jau nebetarnautų dievaičiams tėvynė.
Paskum po šias pakalnes, ant seno stuobryno,
Buvę pušys suaugę nuo metų šimtyno:

Tankios, aukštos, lygutės, geltonos kaip žvakės;
Viršūnės, esą, ūžė ir liemenys plakės.
Dar atmeną seneliai po šitų os smėlynus
Senobių palikimo gražius ąžuolynus.
Liekni augę kaip mendrės, žaliavę kaip rūtos,
Šaknys, liemenys, šakos ir viršūnės drūtos.
Švēsti Lietuvos medžiai nejautę nuogalio:
Rausvasai žiemos lapas sulaukdavęs žalio.
Žili buvę kaip seniai, samanom apaugę,
Stipri buvę ir stambūs kaip vyrai suaugę,
Ė viežlyvi ir gražūs kaip mūsų jaunimas.
Paskui ilgai šiurpsojės stuobriuotas lydimas.

Nuo Puntuko lig Šlavei ąžuolų daugybę
Laikę žmonės lyg kokią didžią šventenybę.
Gyvendami vienybėj, dievaičiams įtikę,
Kurie daugel paminklų po miškus palikę.
Nešęs velnias akmenį, didumo kaip gryčios,
Ir sudaužyt norėjęs Anykščių bažnyčios

Arba užuverst upės; bet kaip tik išvydės
Ąžuolyną pašvestą ir gaidys pragydės,
Tuoj iš nagų paleidės ir smėlin įmušęs:
Net žemė sudrebėjus, senos griuvę pušys.
Paskum ant jo lietuviai dovanas kūrenę,
Kad juos dievai apsaugo ir dengia, ir peni.
Ir šiuos česuos, nors žemė arklais nugaląsta,
Daug Puntuke ąžuolo kelmu tebepūsta,
Ę da dujen prie kelio dabar tebestovi;
Viršūnės dar žaliuoja, nors jau šakos džiovi.
Šenavoja juos žmonės, nei ratais netranko:
Tūlas, ligos suspaustas, iš įžodžio lanko.

Po lygumas ir slėnius traukėsis liepynas,
Kai kur gojais apželęs, kai kur viškai grynas.
Boluodavęs pervasar gelsvu žiedų pienu,
Ūždavęs bičių spiečiais, dvelkės medum vienu;
Ir visiems žmonėms meilus ir patogus buvęs,
Ir laimétinas visas kaip tikras lietuvis.
Žiedais bites penėjës, saldū medū darës,
Ligas visas lietuvių su prakaitu varęs,
Ronas su brazdais gydës, vočių traukës ugnį;
Iš liemenio dėl staunių ir lentes, ir dugnį,
Iš karnų davęs vyžas dėl mūsų autuvo,
Ir nei šakelės, esą, dykai nepražuvo:
Dirbę karbijas, lankus arba tvérę tvoras,
Nuo šaknies lig viršūnei buvęs visas doras.
Kai kur skroblynai buvę, bet skroblius išnyko,
Tik skroblinės torielkos dar kur ne liko.
Kai kur buvę visokių gan navatnų medžių:
Ir su žiedais skujuotų, lapuotų bežiedžių;

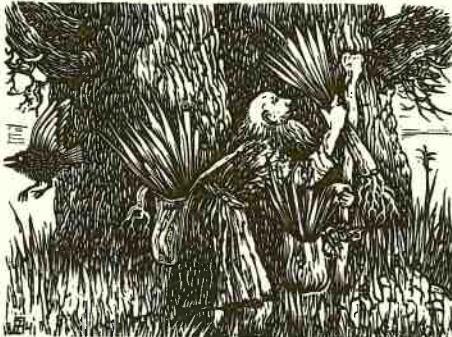
Tropnais vardais žiniuonys tuos medžius vadinę,
Visus auklėję žmonės, ne visus pažinę.

Tai toks miškas traukėsis per Lietuvos žemę;
Visi plotai žaliavę pavėne aptemę;
Visos buvę viršūnės vienybėn suspynę,
Kaip lietuvnykų širdys į vieną tėvynę.

Ė lietuviai su medžiais vis zgadoj gyvenę,
Jaunystėj pasižinę ir draugėj pasenę.
Lietuvnykas po urvus sausus laužus kūrės.
Ne lentinės, iš šakų buvę pintos durys.
Ir nei vieno liemenio lietuviai nekirtę,
Jég tik stuobriai papuvę savaimė išvirtę,
Nes ir miškas lietuvių, kaip tiktais galėjės,
Taip visados raminės, visados mylėjės:

Žvérim, paukščiais ir vaisiais dengės ir penėjės
Ir neprietelių mušti griūdamas padéjės;
Sunkioj dienoj duodavės slaptus nuo baisybių,
Liūdnoj dienoj paveikslą visokiu ramybių,
Linksмоj dienoj daugumą visokiu gražybių,
Kožnam mete dėl kožno — visokiu gerybių.

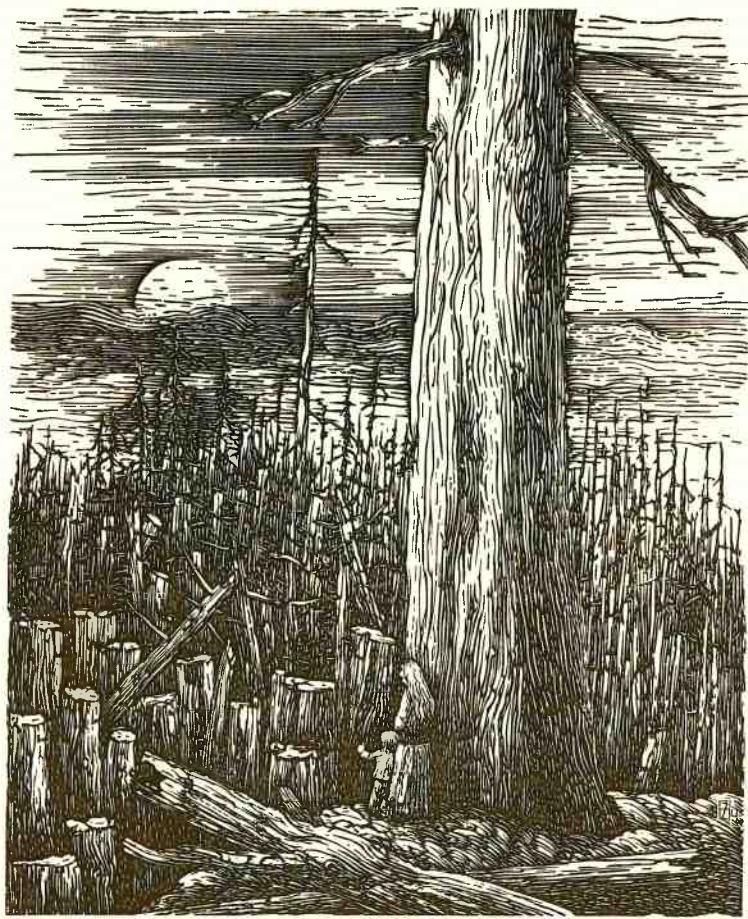

Sunkios dienos atėjė, žmonės badu mirė,
Samanas duonon kepė, žieves sriubon virė.

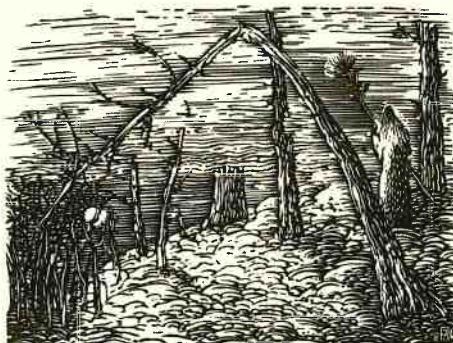
Taip žmoneles, iš bado žievėm papenėtus,
Kad užtiksiant pavietris! — ir labai pakrétus.
Miškas žmonių pasgailęs, rasa apsiverkęs,
Aukštas savo viršunes debesin įmerkęs
Ir sušukęs: „Broliukai, ginkitės nuo bado!
Palaiminta toj ranka, ką kirvį išrado!“
Su ašarom pirmieji truputį praskynę,
Vaitodami jų vaikai taip gynę tėvynę;
Dūsaudami anūkai tuos miškus eikvoję,
Proanūkiai vežimais miestelin vežioję;
Po keturias dešimtis vežimų pardavę,
Džiaugdavęsi ant dienos po muštinį gavę.
Medžiai mat iš daugybės visiškai atpigę.
Ir taip ilgai eikvoję,— net kolei pristigę;
È tai vis dėl arielkos daugiausia išleidę:
Visi buvę kaip žydu šeimyna pasleidę.

Tai mat mūsų tėveliai miškų neberadę
Ir tarp savęs kaip broliai visi susižadę

Užleist dirvas šileliui. Mat miško pasilgę,
Dažnai savo blakstienas ašarom suvilgę,
Žiūrėdami į kelmus. Mat lietuvių dūšios,
Senais miškais penėtos, viduj miško trašios;

Plikuos plotuos, be miško, lyg tartum apkursta,
Tartum džiūsta nuo saulės ir palengvėl skursta.
Nors jau dabar lietuvis plikuos plotuos gimsta,
Giesmėj mišką užgirdės, be jo neberimsta.
Senų miškai myléta, tūlon giesmén déta:
Mūsų tévelių visos tos giesmés mokéta.
Tai mat miško pasilgę, auklėjo šileli:
Kasdien apvaikštinéjo kožną pakrašteli

Ir, priugdė kaip meldo gražiausio pušyno,
Jaunas širdis ir dūšias vaikelių ramino.
Ir saugojo kas diena kaip didžiausio labo:
Netil medžio,— nelaužė nei mažiausio žabo.
Džiaugės Anykščiai, džiaugės, iš šilą žiūrėjo,
Svetimuos miškuos malkų pirkštų važinėjo.

Atvažiavo kučmeistras, šilą apžiūrėjo,
Ravus ant kelių kasė, liesvinčius padėjo,
Ir paganių užgynė, ir grybaut užgynė;
Slapta pardavinėjo ir per naktis skynė;
Vyresnybei melavo; ē žmonėms, kai verkė,
Nasrus kamšė kulokais, kraujo klanan merkė
Ir kas metai Anykščius miško kuoptų varė;
Išpūstėjės iščinto, zasiekus padarė...

Ir liko šitie kalnai pliki ir kelmuoti
Aplaistytı ašarom, giesme apdainuoti.
Ir giesmė nepabaigta: kai širdis susopo,
Ant dūšios labai sunku ir neramu tapo.
Mat toj pati galybė, ką miškus sugraužė,
Širdį, dūšią apgriuvo... ir giesmę nulaužė.

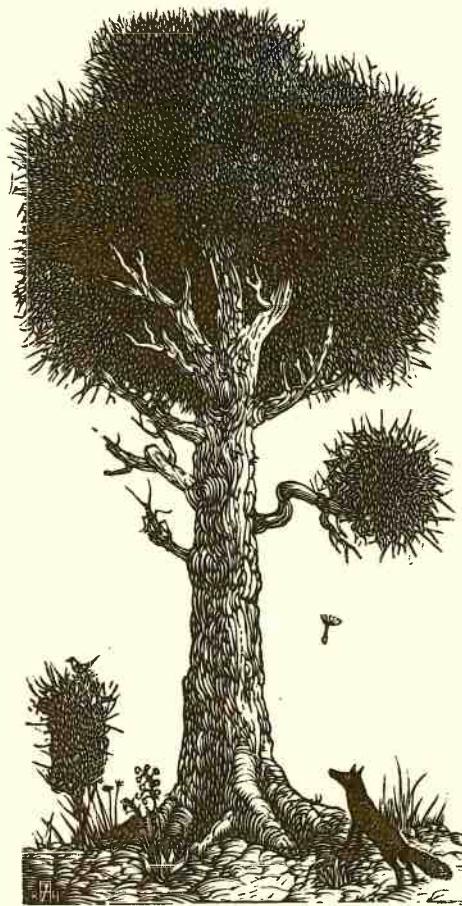
1859 m. Anykščiuose

Аникщайский бор

Перевел

Николай Тихонов

Вы, склоны голые холмов, покрытых пнями,
Красой блиставшие былыми временами,

Куда же унесло великолепье ваше,
Где ветра шум лесной, какого нету краше;

Когда вдруг листья все в том чернолесыи пели,
А сосны старые трещали и скрипели;

Где ваши птицы, пташки и пичужки,
Чей щебет слушали здесь на любой опушке;

Где ваши звери, где лесные их дороги,
Где все их логова, и норы, и берлоги?

Исчезло это всё — стоят в просторах голых
Лишь сосен несколько, кривых и невеселых.

И солнце зло печет, вокруг пустырь покатый,
Сухими ветками и шишками богатый.

С тревогой на пустырь глядишь, ища сравненья,
Он с пепелищем схож — ты скажешь, без сомненья.

Как будто бы пустырь возник на том же месте,
Где город некогда погиб от вражьей мести.

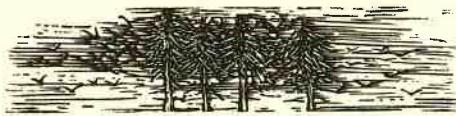

Бывало, в лес идешь — глаза прикрой, такая
Отрада в душу льет, до сердца проникая.

Невольно думаешь, тот аромат вдыхая:
«В лесу ли я стою иль в небе, в кущах рая?»

Куда ни кинешь взгляд — зеленая завеса,
Понюхай — сразу нос щекочет ласка леса.

Где ни прислушайся — веселый шум услышишь,
Ты чувствуешь покой — весельем леса дышишь.

Постели мягких мхов разостланы в покое,
Они влекут, ступи — трепещут под ногою.

Вокруг полно кустов, как рута, изумрудных,
Там — алых ягод блеск и черных ягод — чудных.

В усадебках своих грибы, как в царстве сонном,
На фоне розовом, белесом иль зеленом.

Лисичек леечки сквозь трещину желтеют,
Над мшистой простыней стыдливо щеки греют.

Грибов-подлипков здесь тарелки на опушке,
И кочками в траве, надуввшись, спят свинушки.

Под елью — рыжики, семья в семью врастая,
Сморчков же — в сосняке из мерзлых комьев — стая.

А серых, голубых и сыроежек красных —
Как много здесь растет, веселых и прекрасных!

Масленок медный цвет в кустах у стежки светел,
Как кубки кверху дном,— Мицкевич их отметил.

Ольховики — в ольхах, опенки — в пнях черненых;
Меж сухих стволов, меж щепок — шампиньоны.

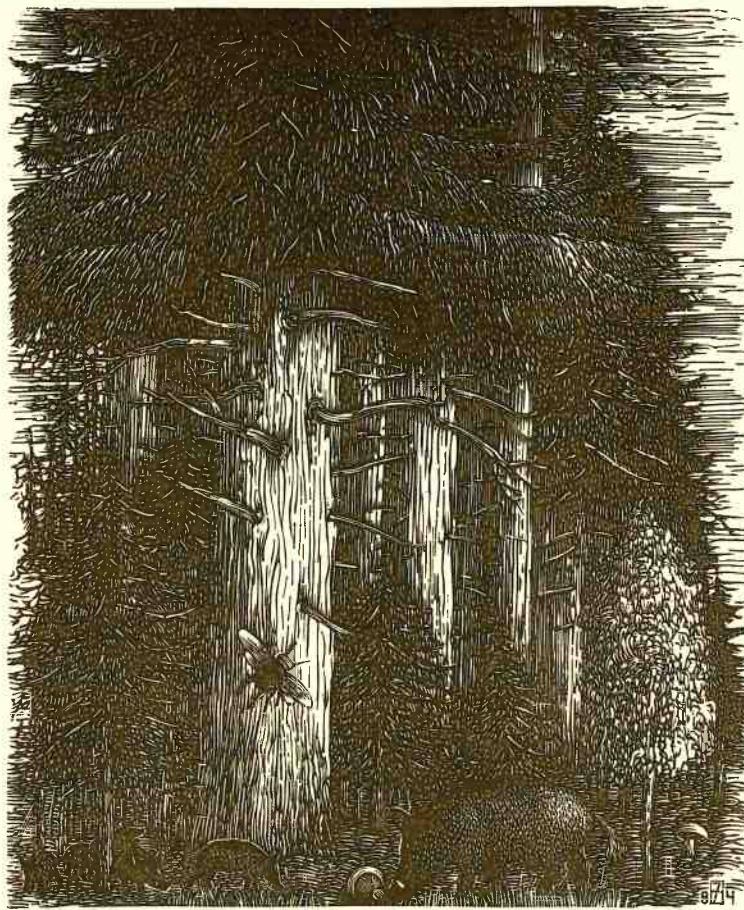
Вот мухомор рябой и слизкий груздь, средь многих
Поганок и грибов без имени, убогих.

Их люди не берут, и зверь их грызть не будет,
Их разве скот в лесу потопчет и забудет.

Размякнут и сгниют, и сок их растечется,
Тот плодородный сок в зеленый круг сольется.

Всех выше боровик — и песенки словами
Его мы назовем: «Полковник над грибами».

Спесивый, толстый, он встает, широкогрудый,
Могучий, над собой с поливой поднял блюдо.

И быстро в рост идут породы те грибные,
Здесь красный, белый гриб, а там грибы иные.

Зеленый можжевел — кусты его, как грядки,
И зайцы в нем лежат, гнездятся куропатки.

Кусты, как с бородой, с травой, на них висящей,
И светится насквозь от частых просек чаща.

Жилье себе ольха по краю выбирает,
Орешник, ветвь тряся, орехами играет.

Их солнце вырастит. А ветлы над долиной,
Над серебром ключей укрыты тенью длинной.

С крушины каплет кровь. Смородина вдоль Шлаве
Краснеет на кустах, в болот седой оправе.

Куда ни посмотри: лес белый встал горами.
Пашлавис окружен им, словно камышами.

Осины здесь дрожат Жальтичи вечным страхом,
Всю жизнь дрожат они, пока не станут прахом.

Берез, дубов стена вокруг елки так сурова,
Жальтене словно здесь скорбит о муже снова.

Где алая всплыла, взамен молочной, пена,
Жальтене, образ свой переменив мгновенно,

В отчаянья сама тут обернулась елью,
Плащи густой листвы детей ее одели.

Вот ива, верба вот, и яблони, и груша,
Черемуха стоит,— шум их листвы послушай.

И шум деревьев тех ты выслушай в молчанье:
В обиде на сестру то седулы стенанья.

Средь вязов, и крушин, и лип — несчетный с нами
Других деревьев стан — с другими именами.

Но знают их лишь те, что лесом верховодят,
Врачи и знахари, что в дебрях леса бродят

И листьями, корой болезни исцеляют,
Иль жестким корешком все чары изгоняют.

Смотреть людышкам, нам, приятно, я не скрою,
Как провиденье их зеленои кровлей кроет.

Когда сережки ив всё звонче, звонче млеют,
От творога цветов все яблони белеют.

И летних яблонь шелк зеленый, с краю бора,
Когда лес желт и ал — листвы осенней ворох.

И склон Марчюписа, как кровью, залит ими,
И ждут весны стволы, став темными, нагими.

А сосенки мои — те сосенки — несметны,
Стройны и высоки, их кроны яркоцветны.

И летом и зимой их зелены вершины,
Ствол задевает ствол, качаясь, как тростины.

На полверсты вперед не видно в чаще мглистой,
Ни бурелома нет, ни хвороста — всё чисто.

И ветви не сплелись, не закрывают дали,
А сосны ровные — как будто сучья сняли.

А запах! — то смолы повеет колыханьем,
То ветер нам пахнет неведомым дыханьем.

То клевер луговой ты чуешь красный, белый,
Ромашки, чебреца, несмятых трав несмелых.

Особо пахнут мох, листва и хвоя, шишки,
И муравейник шлет свой запах с черной вышки.

Всё разный аромат, и, чтоб сказать вернее,
Он каждый раз иной — то крепче, то нежнее.

То мох с брусликою приплыли, вот уж рядом,
То дерево цветет — в бору запахло садом.

То дышит бор, как зверь с дождем омытой шкурой,
Шлет запахи полям со щедростью нехмурой.

В ответ с полей, с лугов — в сосновых рощ полянах
Тот запах нив и трав ты чувствуешь, как пьяный.

И ароматы все перемешались в чудо.
Вдыхаешь сладость их, не зная, что откуда.

Поля, и лес, и луг здесь сговорились дружно,
Чтоб сделать эту смесь из лучших смол жемчужных.

Кадят тут небесам — весь лес звучит иначе,
Как будто скрипка здесь поет, смеется, плачет.

Все встали голоса в единый круг, вплотную,
Их врозь не отличишь, а сердце все волнуют.

Ах, чудно лес гудит, не только пахнет, звонок
Он в шумах, в шелестах, он весел, легок, тонок.

И полночь так тиха, что слышно, как трепещет
Листок или цветок, что, вдруг раскрывшись, блещет.

И в шепоте ветвей — язык священный леса:
Вот падает роса, вот звезд дрожит завеса.

И в сердце тоже тиши, в покой оно уходит,
В прозрачной тишине душа под звезды всходит.

Когда ж сквозь тонкий мрак лучи зари проникнут
И, полные росы, трав головы поникнут,

Бор пробуждается, сменяя тиши движеньем,
Священной речью дня, начавшей пробужденье.

Что это шелестит? Листка коснулся ветер,
Иль птица, что в гнезде, проснулась на рассвете.

Что хрустнуло? — То волк, охотясь и кочуя
Всю ночь, теперь бежит, зари погоню чуя.

А то лиса в нору с гусенком мертвым мчится,
А то барсук бежит к болотцу, чтоб укрыться.

То резвой серны бьют по сосняку копытца,
С сосны и на сосну махает белка птицей.

Да это — знать лесов: и соболь, и куница,
И всякие зверьки, каким в лесу кружиться.

Кто это там стучит? — То дятел с клювом тонким.
Что блеет там? — Бекас, что с голосом козленка.

Чей это злобный шип? — Гадюки шип зловещий,
Зеленою волной Швяントойи в берег плещет.

Чей гогот у реки? — То гуси там гогочут,
То аист, знать, крича, в гнезде своем хлопочет.

Да это утки: при! при! при! пристали у трясины,
Да это сам удод кричит жене и сыну:

«Чего, чего, чего нести вам? Вздор несете!
Чего, чего, чего: мух, червяков вы ждете?»

А то кукушка, знать, продрав глаза, трясется,
Кукуя, плачет вдруг, кукуя, вдруг смеется.

И дразнит иволга тут Еву, как подругу:
«Ты, Ева, Ева, Ева,— не паси по лугу!»

А ри-у! ри-у! ри-у! — крик кулика сначала,
А вслед весь птичий хор, как будто их прорвало.

Тут снова голоса,— те были лишь предтечи,
Птиц многих голоса и разные их речи.

Тут сойки и чижи, сороки и синицы,
Тут пеночки, дрозды,— свой тон у каждой птицы.

И смех, и стон стоит, и просто чушь, не песня,
Но голос соловья всех выше, всех чудесней.

Он нежен и глубок, он тихий и звенящий,
Он по кустам звучит, и день звучит иначе.

Все эти голоса — Литвы родные дайны —
В единый хор слились, храня лесные тайны.

Как будто каждый лист защебетал, запел он,
Так сутартине хор лесной завел умело.

Тут звонких звонов звень лес в звон единый сложит,
Но всех певцов узнать тончайший слух не сможет.

Как будто бы цветы, что на лугу сплетались,
Всё так пестро кругом, всё так пестро — на зависть.

Ах, было, было то — из нашего, из бора
Такая благодать, такой покой простора.

И этот весь покой в литовских душах льется,
Как ветерок равнин по травам пышным вьется.

Литовец знал его, душой ему внимая,
И плачет он в лесу — себя не понимая,

А только чувствуя, что сердцу уж не больно,
Что хоть оно грустит, но всё ж грустит невольно.

Что всё полно росы туманной жемчугами,
И слезы, как роса, текут неслышно сами.

И долго он в груди дыханье бора слышит,
И каждый вздох его как будто бор колышет.

И в душу так покой проник, как леса милость,
Что даже и душа, как колос, наклонилась.

В волнении таком, во вздохе, в светлом плаче
Рождаются псалмы, всё чувствуешь иначе.

Теперь исчезло всё... И лишь на голом поле
Кривые сосенки остались поневоле.

На черной просеке и на холмах в тумане
Зеленые в душе встают воспоминанья.

И кажется, что пни воскресли, зеленеют,
Над кронами дерев сплетенных ветры веют.

И пустошь голая, спаленная пожаром,
Вновь зеленеет мхом и земляничным жаром.

А из колод гнилых такой я запах слышу,
Как будто лес воскрес и весь навстречу вышел.

И чаща вся хрустит, поет, защебетала,
Как будто вновь заря над чащей пролетала.

Как будто в пустоте безмерного пространства
Всех сердцу милых мест открылось мне убранство.

И всё, что получил от тех глубин зеленых,
Со мною снова всё — в покое возвращенном.

В покое том, когда, все черные, все злые,
Вот эти пустыри входили в дни лесные.

Когда сухих стволов сажени вековые,
По дедовским словам, торчали как живые.

И ты, судя по ним, в лесной могучей дрёме
Вершины видел их, как свод в зеленом доме.

Медведей толпы шли и кабаны сипели,
И зубры меж болот мохнатые темнели.

Где ж бора красота, священная, резная,
Кто вырубил леса? — Никто уже не знает.

Ягелло, может быть, их вырубил при жизни,
Чтоб отучить Литву служить богам в отчизне.

Потом на прахе их, над старым сухостоем,
Осины лишь в веках дрожащим встали строем.

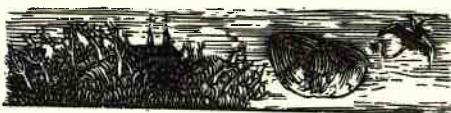
Потом опять, густы, желтея словно свечи,
Вновь поднялись стволы, шумя зеленою речью.

Ведь помнят старики на тех местах песчаных
Дубовых рощ красу — послед лесов венчанных.

Стройнее тростников, зеленые, как рута,
Их ветви и стволы вздымались к небу круто.

Дубы святые те — нет ветви обнаженной.
Осенний красный лист жил до листвы зеленої.

Прекрасно пламя то, как младость золотое,
Потом лишь просека тёрчала с сухостоем.

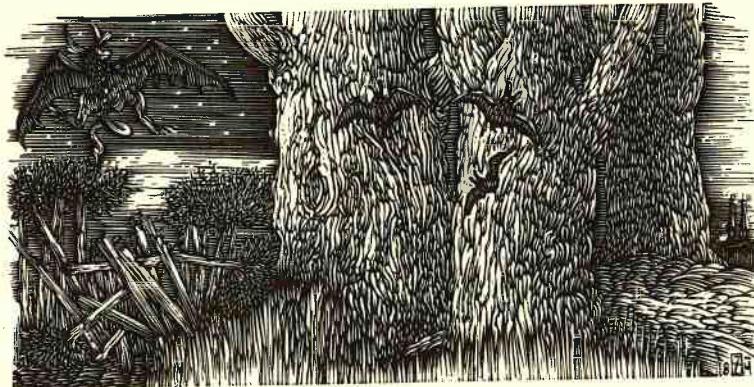
От Пунтукаса шло дубов до Шлаве много,
Святыми люди их считали, чтили строго.

В единстве жили все, богов лишь опасались,
И памятных замет в лесах следы остались.

Величиной с избу нес камень черт однажды,
Костёл в Аникштый он разбить тем камнем жаждал

Иль реку запрудить,— но только с лету глянул
На те дубы — петух свою вдруг песню грянул.

Черт камень из когтей тут выпустил со страху,
В песок его вогнал и сосны снес с размаху.

От многих жертв богам стал этот камень бурым,—
Литовцев пусть хранят, дают им кров и шкуры.

Хотя от разных бед вокруг всё пострадало,
На Пунтукасе пней гниет еще немало.

Еще есть дуба два, в кресте дорог,— заглохли,
Вершины зелены, хоть ветви уж посохли.

Еще их люди чтут, телегой не ударят,
Больные счастья ждут — кору дубов тех варят.

По тем долинам шла и липовая роща,
Где чистая совсем, где скрыта гаем тощим.

Белела лето всё в цветах желто-молочных,
Гудела роем пчел, пропахла медом сочным.

Приятна людям всем своей красотой манящей,
И щедростью для всех — литовец настоящий.

Давала пчелам дом и мед им создавала,
Болезни земляков все с потом выгоняла.

Мезгой леча порез, нарывов жар тушила,
На бочки, на лари свои стволы крушила.

Бересту для лаптей охотно нам давала,
Чтоб веточки — и той чтоб зря не пропадало.

Заборы ставили, плели корзинки, проще —
С корней и до вершин всё было годно в роще.

Где рощи бука? Где охрана их, порука,
Случайно встретишь ты тарелки лишь из бука.

Деревья знали мы и хвойные, с цветами,
И лиственные, но без цвета над ветвями.

Не знаю их имен, свое давали имя
Деревьям ведуны, растили их своими.

Землей литовской лес такой тянулся мощи,
Что тень его легла на все поля и рощи.

Сплетя вершины все в лесном единстве жизни,
Литовские сердца так сплетены в отчизне.

Литовцы с лесом тем в согласьи добром жили,
Знакомясь смолоду, до старости дружили.

Литовец хворост лишь бросал в огонь веселый,
Не доски шли на дверь, дверь плел из веток голых.

Ни одного ствола литовцы не рубили,
Сухие сучья взяв, в пещеры приносили.

Литовца лес всегда любил, как любят брата,
Давал ему покой, любил его стократы.

Зверей и птиц давал, плодами оделяя,
И падал на врагов, литовцам помогая.

В суровый день скрывал от страхов в тьме лесной он,
В печальный день давал душе его покой он.

В веселый день — красот всех открывал он тайны,
В любое время всем — блага, что не случайны.

Дни голода пришли и наземь люд валили,
Мох запекали в хлеб, кору в котлах варили.

Поверье говорит: кору дерев не трогай,
Коль тронешь, то погиб,— и так погибло много.

Лес сжался тогда, расплакался росою,
Вершины обмакнул он в тучу той порою.

«И голоду,— вскричал,— ведь нужно дать отпор нам,
Священна та рука, что сделала топор нам!»

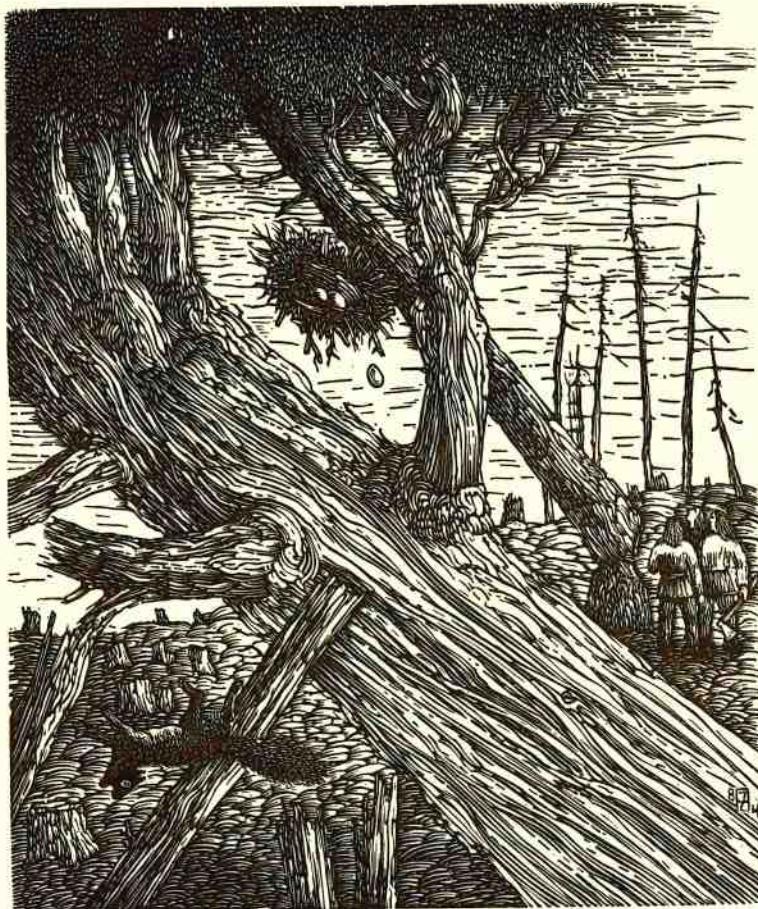
И первые стволы в слезах они рубили,
Со стоном в битву все за свой народ вступили.

А внуки те леса, взыхая, расточили,
В местечко правнуки возами лес возили.

По сорока возов продав, за всю громаду,
Муштинис в день добыв, добыче были рады.

От рубки и продаж деревья дешевели,
Так порубили лес, так чащи опустели.

А деньги бедняков в «горелке» утонули,
Как слуги шинкарей, всё пропили в разгуле.

Так, не найдя лесов, взгрустнули наши предки,
Как братья, меж собой держали речь нередко.

И нивы уступить опять лесам хотели,
Тоскуя по лесам, не раз в слезах сидели,

Смотря на пни, скорбя литовскою душою,
Что лесом вскормлена, его душой большою.

Что та душа теперь в безлесьи, в зное пыльном,
От зноя высохла, в нужде горя бессильной.

Литовец, хоть сейчас в пустых местах рождается,
Услышав песнь про лес, волнуется, как птица.

Любили деды лес, о нем все песни пели,
Отцы еще певать те песни нам умели.

Тоскуя по лесу, хоть рощицу сажали,
Обхаживали днем, ночами охраняли.

Стройнее тростника, красу тех сосен стройных,
Взрастили сердцем всем, чтоб детям жить спокойно.

Как высшее добро, как клад оберегали,
Не трогали сучка и хворост не ломали.

Так рад был Аникщяй, на бор сосновый глядя,
А покупать дрова — к соседям путь наладит.

Лесничий прибыл в бор, держась ученых правил,
Рвы вдоль дорог провел и лесников поставил.

Скот запретил пасти, грибы искать — запреты!
А сам тайком рубил и продавал без сметы.

А тем, кто бор жалел, крича: «Мы правды ищем!»
Он затыкал тем рты кровавым кулачищем.

И каждый год село пни, плача, корчевало —
На засеке своей он вырубил немало.

И голые холмы остались, крыты пнями,
Воспетые в стихах, омытые слезами.

Не кончены стихи, а в сердце боль глухая,
И тяжко на душе — тоска не потухает.

Знать, сила та, что лес изгрызла, истоптала,
Упав на сердце мне, и песню мне сломала.

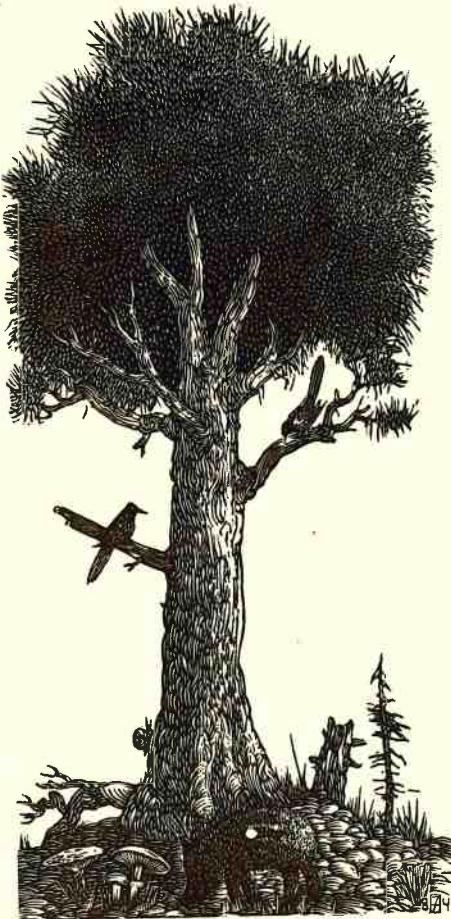
1858—1859

Der Hain von Anykščiai

Nachdichtung von
Hermann Buddensieg

Berghügel, stubbenbesät, von Bäumen entblößt alle Hänge!
Wer glaubt noch euerer Schönheit, die nunmehr lang schon vergangen?
Wo ist denn euere leuchtende Herrlichkeit heute entschwunden?
Wo euer ruhiges Rauschen, wenn euch die Winde bewegten,
Als hier des schimmernden Waldes Blätter gesäuselt
Und noch die alten Fichten sich rieben, schaukelten, knarrten?
Wo sind denn euere Vögel, die großen, die kleinen und kleinsten,
Deren Gezwitscher beruhigte, wenn wir stille ihm lauschten?
Wo sind jetzt all eure Tiere, das Wild, sind die Marder und Wiesel?
Wo sind die Höhlen der Tiere, die Lager und ihre Verstecke?
Alles ist jetzt verschwunden: nur auf dem Felde, dem kahlen,
Blieben noch einige Föhrenstämmchen, gekrüummt und ganz windschief!..
Und von Nadeln bedeckt, von Tannenzapfen und Zweigen,
Sengt die Sonne hier jetzt die immer nur fruchtlose Fläche.
Schaust du sie an, dann scheint's dir, als ob du vor Unruhe bebtest:
Wie ein Gebäude, das, niedergebrannt, nun völlig verfallen,
Wie öde Wüsteneien so mancher zerschlagener Städte,
Wie eine Sumpfwaldgegend, wo Moose und Stubben versengt sind!..

Gehst du, so war es einmal, in den Wald — da staunen die Augen;
Sieh, da erfreut es die Seele, ergreift es mächtig das Herz dir,
Daß du sogar, als das Herz dir berauscht war, oftmals gedacht hast:
Stehe ich hier nun im Walde, im Himmel, im Paradies gar?!
Wo du auch hinschaust, überall Schönheit: grün, rank und köstlich!
Wo du auch hinriechst, überall Labsal: der Wald reibt die Nase!
Wo du auch hinhorchst, überall Freude: ein Rauschen und Summen!
Was du auch spürst, es ist Friede: es streichelt das Herz, macht es selig!

Samtweiche Polster der Moose sind weit übern Wald hin gebreitet,
Locken den Kopf, und wenn du's berührst, bewegt es sich zitternd.
Stengel mit Beeren grünen wie Rauten in üppiger Fülle,
Tragen bald schwarze, bald rote Beeren, die daran reiften.
Tupfen von Pilzen auf grünem, rötlichem, weißlichem Grunde
Glänzen buntfarbig zwischen den Bäumen aus ihren Gehöften.

Kleine Trichter des Pfifferlings lugen dort hier und da schamhaft
Unter dem Tuche der Moose scheu hervor durch die Lücken.
Hier sind die Teller der Mooschwämme ringsum im Wald ausgebreitet,
Hier stehn gedunsene Milchschwämmen da wie Sumpfwiesenstümpfe,
Hier unter Tannen die Reizker in ganzen Familien gesellig,
Hier auch entwachsen bei Fichten bedecktem Boden Boviste,
Hier sitzen rötliche, blaugrüne Täublinge dicht beieinander,
Wachsen da schön und fröhlich, kümmern sich aber um nichts sonst.
Hier gibt's auch Butterpilze auf Hirtenpfaden bei Büschen.
Becherchen gleich, die gekippt sind, wie es Mickiewicz gesagt hat.
Hier wächst aus Baumstümpfen Hallimasch, Kapuziner bei Erlen,
Hier keimen Champignons zwischen Stümpfen aus Holzspänehaufen.
Hier stehn der narbige Fliegenpilz, Pfefferpilze auch, schleimig,
Pilze gibt's hier und Hundspilze, die kein Mensch je benannt hat;
Weder sammeln die Menschen sie sich, noch nagen dran Tiere,
Höchstens tritt sie das Vieh um, wenn es quer durch den Wald läuft,
Oder sie faulen, nachdem sie in sich zusammengefallen;
Aus ihrem Moder sprießen alsbald dann Sprößlinge neu auf.
Aber als Höchster von allen wächst unter ihnen der Steinpilz,
Nach den Worten des Liedes — „der Oberst aller der Pilze“:
Breit und dick und geblättert und beinah wie eine glasierte
Schüssel, gestülpt über'n harten, kräftigen Stiel eines Beiles.

Rasch wächst er, lebt auch lange, hat mancherlei nahe Verwandte:
Hexenpilze und Rotkappen, mehrere andere auch noch.

Grüner Wacholder wuchert auf Brachfeldern hier gleichwie Sträuse:
Hasen liegen dazwischen, Rebhühner brüten die Jungen.
Grasbärtig rahmt ein Gebüsch mit einem Saume den Wald ein,
Und die Schneisen leuchten hier licht alle quer durch den Wald durch.
Erlen, Gehöfte von Pilzen stehn üppig frisch auf der Lichtung,
Haselsträucher erheben die Nußtrauben hoch auf den Zweigen,
Lassen die Nüsse im Hitzestau reifen. Aber die Weiden
Dort in dem Tale lieben an Quellsümpfen schattige Kühle.
Blut tröpfelt hier der Holunder, Johannisbeeren an der Šlavé
Suchen sich hier und da Unterschlupf in den dunklen Morästen.
Laubreich der Wald mit den Hügeln, wenn du aufmerksam hinschaust:
Birkenbäumchen umstehen wie Binsen das Ufer der Šlavé,
Hier zittern ängstlich mit all ihren Blättern erschrockene Espen,—
In einer jeden findest du die Angst von des Natterichs Tochter.
Hier sind Eichen und Eschen bei Tannen stehen geblieben,
Wie wenn die Natterin immerfort ihren Gatten beklagte,

Als sich ein Blutschaum ergossen hatte statt eines Milchschaums
Und sie mitsamt ihren Kindern nach dem Urteil der Mutter
Sich aus Reue in Bäume verwandelt — sie selbst ward zur Tanne,
Ihre zartjungen Kinder zog sie mit Kleidern aus Laub an.

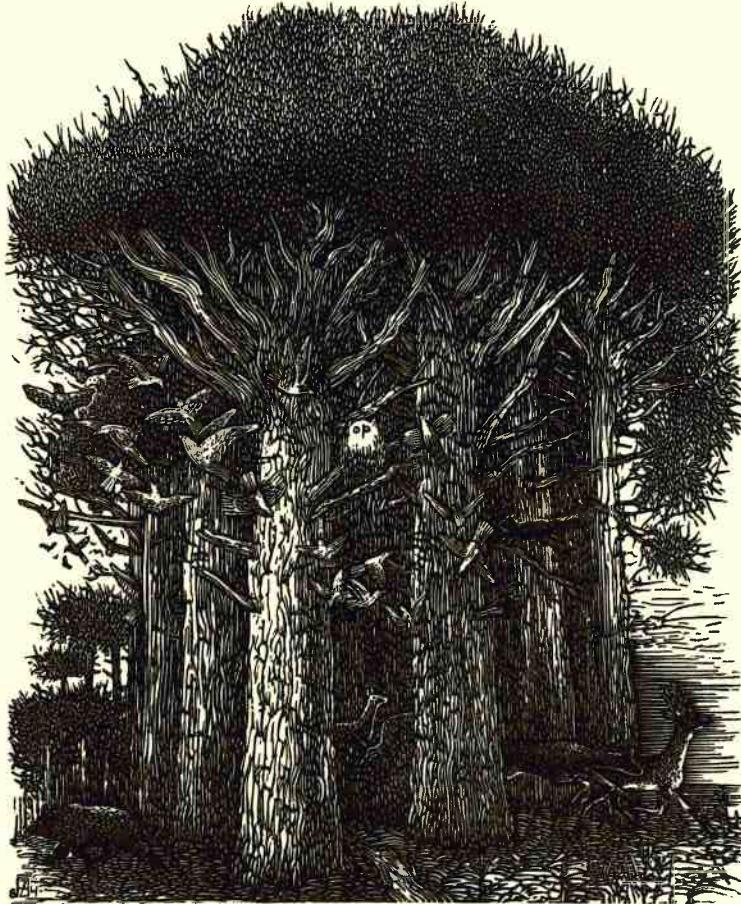

Sieh nur, die Traubenkirsche und Weide, die Birne, den Apfel;
Über die Schwester klagt nun das schlanke Hartriegelsträuchchen.
Ulmen, die Faulbäume, alle die Bäume der Linden und viele
Arten anderer Bäume, die überall drunter verstreut sind.
Menschen allein, die im Wald aufgewachsen, kennen sie alle,
Die Doktoren und Weisen, welche die Wälder durchwandern
Und mit Blättern und Rindenstücken und kernharten Wurzeln
Alle Welt von Krankheiten und von Unbilden heilen.

Aber uns einfachen Menschen steht es nur an zu bewundern,
Wie sie die Vorsehung zudeckt mit einem hellgrünen Laubdach,
Wie da ein jedes Knöspchen erblüht, wie es aufplatzt, wenn's Zeit ist,
Wie die Zweige des Apfelbaums grau im Blütenquark schimmern;

Wie sie den Sommer hindurch neben dem dunklen Hain grünen,
Wie ihre Blätter im Herbst bald gelb und bald rot sich verfärbten,
Gleichsam mit Blut übergießend die Hänge des Marciupis
Und wie nackte Säulen den kommenden Frühling erwarten.
Ei, ihr kleinen Fichtchen, ihr alle, ihr zahllosen Fichten!
Dichtwachsend, hoch und schlank geschmückt mit blühenden Kronen,
Gleicherweis grünt ihr im Sommer wie, Rauten gleich, auch noch im Winter,
Stamm an Stamm schlägt da hart aneinander, schaukelnd wie Schilfrohr.

Eine halbe Werst weg erkennt man schon nichts mehr — solch Dickicht!
Sauber und frei von gebrochenen Zweigen, entwurzelten Stämmen,
Frei auch von dürrem Geäst ist's, dessen Geflecht hier den Weg sperrt;
Ragend und glatt sind die Fichten wie abgeästet vom Astwerk.

Diese Düfte, ja, denk nur! Bald von dem Harz dunkler Fichten,
Bald vom Wohlgeruch mancherlei Blüten haucht dich der Wind an:
Du spürst den Klee von der blühenden Wiese, den weißen, den roten,
Spürst den Feldthymian, die Kamille — die Kräuter der Felder,
Spürst den Ruch des Ameisenhaufens aus Hügeln der Erde,
Und aus Bäumen, aus Tannenzapfen, aus Nadeln und Blättern
Quellen immer aufs neue Gerüche: solang nur der Wind weht,
Kannst du mit jedem Lufthauch andere Düfte hier schmecken.
Hier überwuchert das Moos mit Preiselbeeren den Hain ganz;
Hier ergießt sich plötzlich ein Blütenduft — wie aus dem Garten.
Ja, es ist hier, als atme wie ein Tier selbst der Wald noch:
Wenn er all seine Düfte über die Felder verweht hat,
Hauchen sie Felder und Wiesen zurück.— Inmitten der Fichten
Spürst mit Behagen du all die Gerüche der Wiesen und Äcker.

Und so mischt sich da alles, zerfließt alsbald mit dem Windhauch,
Daß nicht einmal deine Nase all diesen Duft unterscheidet;
Wie als hätten der Wald, die Wiese, das Feld sich verschworen,
Allen Wohlgeruch, köstlich gemischt aus teuren Essenzen,
Still und lieblich in Frieden zur Ehre Gottes zu räuchern,
Wie als ob einer fiedelt, lacht, singt und bitterlich weinte
Und die verschiedensten Stimmen sich innig einander verwebten,
Daß du sie einzeln nicht mehr bemerkst — doch ergreift es das Herz dir.

O wie schön rauscht ruhig der Wald, nicht nur Wohlgeruch hauchend,
Rauscht und braust und tönt fröhlich mit vielen klingenden Stimmen.
Aber um Mitternacht ist es so still, daß du hörst, wie ein junges
Blatt, auch ein zartes Blütchen auf einem Zweig sich entfaltet,
Hörst, wie der Bäume heilige Sprache flüstert durchs Astwerk,
Wie die Sterne erschauern, kalt auf die Erde der Tau fällt.
Da gehn die düstern Gefühle alle im Herzen zur Ruhe,
In der Stille, gefaßt, im Gebet steigt die Seele zum Himmel.
Doch beim erwachenden Tag, wenn im Osten mählich das Licht schwillt
Und die Häupter der Gräser taubedeckt nieder sich neigen,

Dann erwacht auch der Hain, die tiefe Stille zerrinnt ihm,
Und es beginnt allmählich die heilige Sprache des Tages.
Aber was raschelt denn dort? — Ein Windhauch bewegte ein Blättchen,
Dort im Nestchen, soeben erwacht, da regt sich ein Vöglein,
Was knackt denn dort? — ein Wolf ist's, der wittert den Tag schon,
Hastet nach nächtlichem Jagen rasch vorbei an Gebüschen,
Da rennt ein Fuchs in den Bau, im Gebiß eine Junggans,
Dort läuft eilig ein Dachs, der aus seinem Schlupfwinkel rauskroch,
Da hüpf't fröhlich ein munteres Reh durch des Kiefernwalds Stämme,
Da springt ein Eichhörnchen flugs von einer Fichte zur andern;
Sieh nur, ein flinkes Wiesel und auch der Marder, der schwarze,
Und noch manch andere Tiere tummeln sich rings hier im Walde.
Wer klopft denn dort? — Einen Baumstamm hackt im Walde ein Specht an.
Was keckert dort? — Bekassinen im Zickzack über den Sümpfen.
Was flüstert dort? — Ja, da zischt eine Schlange hervor aus den Stubben
Strömend plätschert der Fluß, die heilige Aar, die Šventoji.
Was unterhält sich denn da? — Nun, die Gänse schnattern am Flusse;
Sieh nur, in seinem Nest am Waldrand klappert der Storch auch;
Sieh, die Enten „prieh! prieh!“ fliegen im Moore zusammen;
Sieh dort, der Wiedehopf fragt sein Weib, seinen Sohn auch, den kleinen:
„Was, was, was? Was soll ich euch bringen? Was redet ihr Unsinn?
Was, was, was? Körner, Regenwürmer, vielleicht auch noch Fliegen?“

Sieh nur, der Kuckuck schaut um sich her und spreizt sein Gefieder,
Kuckuckt bald weinend, bald kichernd und bald schallt laut sein Gelächter.
Immerfort tönt und tönt es vom Wald her: dort neckt der Pirol die
Ieva: „Eva, Eva! weid' auf der Wiese nie, niemals!“
Hier schrie: „ri-u! ri-ul“ der Strandläufer drunten am Flusse,
Da wieder brachen wie Ströme los viele verschiedene Stimmen,
Immerzu andere Stimmen, immerfort andere Klänge:
Distelfinken und Waldlaubsänger und Zeisige, Drosseln,
Eichelhäher und Elstern, jeder mit eignen Gesängen:
Dieser lacht, jener jammert und der faselt albernes Zeug her.
Alle jedoch übertrifft im Gesang der Nachtigall Stimme:
Helltonend, durchdringend, lange während, voll Wehmut und Würze

Tönts und hallts durch die Büsche und wechselt, jedesmal anders,
Immer dringt es zum Herzen — wie die Dainos von Litaun.
Diese vielerlei Stimmen fließen innig in eins hier,
Wie als ob jedes Blättchen trillierte, hallte und riefe
Und einen Rundgesang anstimmte, alles paßt herrlich zusammen: —
Immerfort tönt es, klingt immer lieblich — es klingt wie ein Kanon;
Deutlich vernimmt das Ohr zwar keine der einzelnen Stimmen,
Wie als blühten viel Blumen auf einer Wiese im Grünen,
Wie als verwöben sich vielerlei Blüten in dichtem Gewinde,
Daß du's von fern nur als einziges schönes buntes Gemeng siehst.

Anykščiai 1858

Ach, das war einmal früher, da war in unserem Haine
Alles so still, so traulich und voll beglückenden Friedens!
Diese Ruhe wehte in aller Litauer Herzen
Wie auf den Auen ein Windhauch weht durch saftige Gräser,
Schaukelte, schwamm und schwoll schließlich an in dunkelen Wogen:
Oft weiß der Litauer selbst nicht, warum er zuweilen im Wald weint.
Dabei scheint's ihm zumeist, als ob es kein Herzeleid gäbe,
Denn das Herz schlägt beruhigt und schenkt ihm tiefes Entzücken;
Und wie von glitzenden Tauperlen reich erfrischt und erleichtert,
Rollen dann wie der Tau ihm über die Wangen die Tränen.
Lange atmet der traute Hain ihm im treulichen Herzen;
Friedlich bewegt sich die atmende Brust mit dem Odem des Waldes,
Wie als hätte in seine Seele sich Ruhe geschlichen,
Daß sie gar wie eine reife Ähre wiegend sich neigte.
Davon, sieh, kommen die Tränen, all das Trauern und Seufzen,
Draus quillt der fromme Sinn und quellen auch unsere Lieder.
Jetzt ist das alles vergangen... nur auf dem Felde, dem kahlen,
Bleiben noch einige windschiefe winzige Tännlein und Fichten...

Wenn nun auf dieser versengten Rodestelle an Bergen
Vieles stilles Erinnern in den Herzen emporkeimt,
Daß die verfaulten Stubben wie neubelebt wieder grünen,
Die verwundenen Wipfel wieder im Winde sich wiegen,
Daß die mit Tannenzapfen bestreute, veräscherte Brache
Pilzgesprenkelt in dicken Moospolstern wiederum aufquillt,
Wie als würden dem faulenden Holz solche Dünste entströmen,
Wie als berste der Tann hier oder es weht' von der Heide,
Wie wenn alles zu rauschen, zu zwitschern, zu knistern beginne,
Wie als wäre es Tag schon mitten im finsternen Walde,

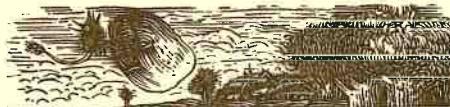

Wenn auf den kahlen Hängen wie im Tau des Besinnens
Dieser Hain von der Saat des Erinnerns froh wieder aufsprießt,
Ach, was kommt aus dem alten, uns so vertrauten Hain dann
Für ein liebes Gedenken, für eine selige Ruhe,
Wo diese Flächen, düster zerklüftet und dunkel geworden,
In dieser Gegend die Erde voll klobiger Stubben gesehen,
Wo die uralten Baumstämme, klaherstark, knorrig geworden,
Nach der Kunde der Alten überall einstmals hier ragten,
Was noch heute bezeugt, daß hier einmal Wälder geschlummert;
Dicht war oben das Dach zusammengewoben aus Wipfeln,
Nicht allein Bären und Wildeber wurden hier scharweis geboren,
Sondern hier wohnten im Dickicht auch Wisente zwischen den Sümpfen!

Doch wo sind jetzt der Hain, die einstmals heiligen Wälder?
Wer weiß, warum sie vor Zeiten alle schon umgehaun wurden?
Hatte vielleicht sie Jogeila nach der Bekehrung gerodet,
Daß die Heimat hinfert nicht den alten Göttern mehr diene?
Aus diesen Niedrungen dann, auf dem alten Land voller Stümpfe
Wuchsen hier seit über hundert Jahren schon uralte Fichten:

Dicht, hochragend, wachsgelb und glatt gewachsen wie Kerzen;
Wipfel rauschten da mächtig, die Stämme schlugen zusammen.
Noch erinnern sich auf diesen Hängen manche der Alten
An die Reste der Vorzeit — an den ragenden Eichwald.
Schlank wuchs er wie das Schilf, er grünte wie Rauten,
Mächtig die Wurzeln, der Stamm, mächtig auch Äste und Wipfel.
Niemals spürten sie Nacktheit, Litauens heilige Bäume:
Rötliches Winterlaub harzte erwartend wieder des Grünen.
Griesengrau waren die Bäume dicht mit Moospelz bewachsen,
Stark und großwüchsig alle gleich wie stämmige Männer,
Aber auch ehrbar und schön von Gestalt wie unsere Jugend.
Lange starrte nachher das kahl gerodete Land voller Stümpfe.

Viele mächtige Eichen von Puntukas zur Šlavé
Hielten die Leute hier wie eine große heilige Stätte.
Da sie in Eintracht lebten, gefielen sie alle den Göttern,
Die hier noch zahlreiche Denkmale rings in den Wäldern gelassen.
Aber der Teufel trug einen Stein her, so groß wie ein Wohnhaus,
Wollte Anykščiai Kirche mutwillig wütend zertrümmern

824

Oder den Fluß zuwerfen: doch als er die heiligen Eichen
Dieses Haines erblickte, hatte der Hahn hell gekräht schon,
Selbst die Erde erbebte, es stürzten selbst riesige Fichten.
Ließ er den Stein aus den Krallen los, ihn in den Sand hinein stoßend.
Drauf brannten auf dem Stein die Litauer Brandopfergaben,
Daß die Götter sie schützten, sie immer kleideten, nährten.
Seit diesen Zeiten, wenn auch die Erde von Pflugscharn durchwetzt ist,
Faulen hier im Punktakas heute noch Stümpfe von Eichen.
Jetzt noch stehen da zwei von den Eichen knorrig am Wege;
Oben grünen sie noch, obwohl schon Äste verdorrt sind.
Ehrfurcht erweist man hier, rast nicht mit holpernden Wagen;
Mancher, von Krankheit geplagt, sucht sie auf, getreu dem Gelöbnis.

Durch die Ebnen und Täler zog ein Gehölz sich von Linden,
Grünte bald mit den Tannen zusammen, bald nur alleine,
Leuchtete gelb den Sommer hindurch, von Blütenmilch schimmernd,
Summte voll Bienen, und süß wehte Honigduft lind in den Lüften,
War allen Menschen lieb, war allen willkommen gewesen,
Gabenfroh war die Gesinnung wie echtes Litauer Wesen.
Blüten sättigten hier die Bienen und spendeten Honig,
Jede Krankheit der Litauer ward da durch Schwitzen vertrieben,
Baumrinden heilten die Wunden, löschten den Brand der Geschwüre,
Aus dem Stamm wurden Dauben gefertigt und Böden für Kübel,
Bast gab Bastschuhe her für unser heimisches Schuhwerk,
Nicht ein einziger Zweig ging damals nutzlos verloren:
Flechtkörbe, Reifen fertigte man, aus Holz auch die Zäune,
Von der Wurzel zum Gipfel war alles gut zu verwenden.
Weißenbuchen gab's stellenweis, doch die Weißenbuche ist heut verschwunden,
Tellerstümpfe von Weißenbuchen blieben noch hier und da stehen.
Manchenorts gab es dort allerlei oft recht seltsame Bäume:
Solche mit blühenden Zapfen, andre mit Laub ohne Blüten;

Kundige gaben einst ihnen immer die treffenden Namen,
Alles hegten die Menschen, aber sie kannten nicht alle.

Solch ein Wald zog sich also weit über Litauens Erde;
Alle Gefilde, vom Schatten verdunkelt, grünten hier üppig;
Alle Wipfel flochten in eins sich innig zusammen,
Wie sich um's Vaterland ranken treu die Litauer Herzen.

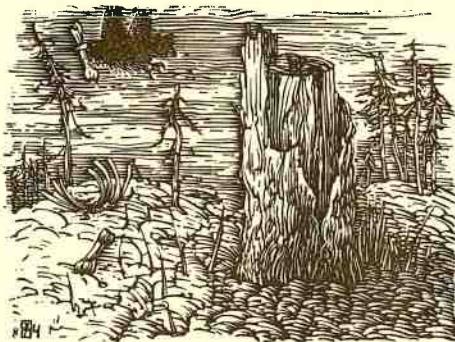

Stets lebten Litauer hier mit ihren Bäumen in Eintracht,
Kannten sich seit ihrer Jugend und waren gemeinsam gealtert,
Litauer brannten in Erdhöhlen Haufen von trockenen Hölzern.
Nicht aus Brettern, aus Zweigen geflochten waren die Türen,
Nicht einen einzigen Baumstamm fällt' man in Litauens Landen,
Wenn nicht Bäume, von Fäulnis befallen, von selber umstürzten.
Denn auch der Wald hat den Litauer lieb, so gut er es konnte,
Hat ihm stets Ruhe, den Frieden gegeben, weil er ihn liebte:

Hat ihn mit Tieren belebt und ernährt, mit Geflügel und Früchten,
Hat sogar manchen Feind noch beim Stürzen erschlagen,
Bot in schlimmen Tagen bei Schrecknissen sich're Verstecke,
In den Tagen der Trauer das Bild stillfriedlicher Ruhe
Und in Tagen der Freude in Fülle vielfältige Schönheit,
Jederzeit und für jedermann — alles nur mögliche Gute.

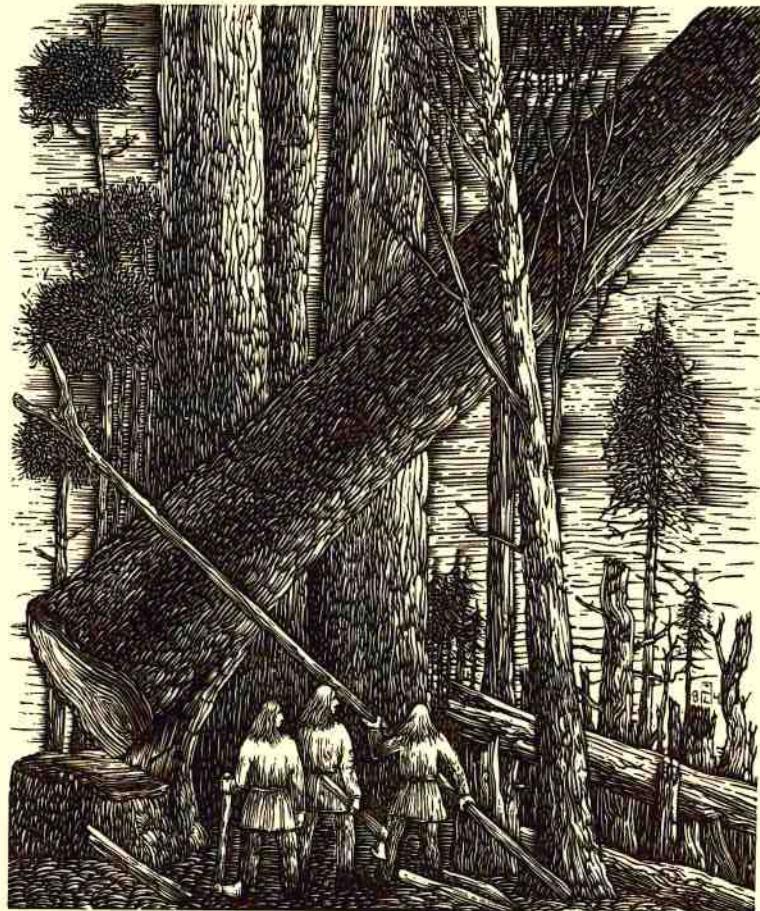
Schwere Tage kamen, die Menschen starben vor Hunger,
Backten mit Moos sich ihr Brot und kochten aus Rinden die Suppe.

Wie hatten Menschen, vor Hunger mit Rinden genährt nur,
Seuchen oftmals ergriffen! — wie schrecklich heimgesucht alle.
Mitleid hatte der Wald mit den Menschen, Tautränen vergoß er,
Tauchte tief in die Wolken die himmelhoch ragenden Wipfel,
Rief beschwörend: „Ihr Brüder, wehrt euch doch gegen den Hunger!
Jene Hand sei gesegnet, welche die Axt einst erfunden!“
Weinend lichteten erst den Wald ein wenig die Väter,
Jammernd taten's darauf des Vaterlands wehrhafte Söhne,
Seufzend haben die Enkel diese Wälder gerodet,
Wagenweise die Urenkel sie zum Markt hingefahren;
Als sie dann jeweils vierzig Wagen verkauft in dem Städtchen,
Freuten sie sich, für den Tag ein Stückchen Hartgeld zu haben.
Wegen der Menge der Bäume wurde das Holz aber billig,
Und man verschwendete solang, bis selber man Mangel gelitten;
Aber das meiste Geld wurde sogleich für Branntwein verschludert:
Lotterlich waren sie alle, wie man's behauptet von Juden.

So hatten unsere Väter nun keinen Wald mehr gefunden,
Hatten daher einmütig wie unter Brüdern vereinbart,

Diese Gefilde der Heide zu geben. Oft hat die Sehnsucht
Nach dem Walde von einst ihre Wimpern mit Tränen gefeuchtet,
Schauten sie nur auf die Baumstümpfe. Ja, der Litauer Seelen,
Lange an Wälder gewöhnt, sind froh nur in Tiefen des Waldes,
Werden auf kahlem Gelände wie taub, denn ganz ohne Wälder
Dörren sie fast in der Sonne und verkümmern allmählich.
Wenn auch der Litauer jetzt auf kahlen Flächen zur Welt kommt:
Hört er im Lied nur vom Wald, kann ohne ihn nimmer er leben.
Wälder hatten die Alten geliebt, in Gesänge gewoben,
Unsere Vorfäder konnten noch all diese köstlichen Lieder.
Daher, weil nach dem Wald sie sich sehnten, pflegten den Hain sie:
Machten täglich den Rundgang, jedes Eckchen umschreitend,

Und nachdem sie die schönsten Fichtenwälder gezogen,
Trösteten sie damit junge Herzen, die Seelen der Kinder,
Und sie hegten den Hain wie ein höchstes Gut nun tagtäglich:
Nicht nur die Bäume, sie knickten nicht mal das kleinste Stück Reisig.
Herzlich freute sich da Anykščiai, wenn's auf den Hain schaut,
Selber fuhr man in andere Wälder, um Holz einzukaufen.

Da kam der Kutschenmeister gefahren, den Hain zu beschauen,
Gräben am Weg ließ er ausheben, setzte Wärter im Wald ein,
Auch verbot er das Weiden, das Pilzesammeln im Walde,
Selber verkaufte er Holz im geheimen, er schlug's in den Nächten;
Seine Herrschaft belog er, aber dem Volk, wenn es weinte,
Stopfte mit Fäusten das Maul er, taucht's in die Teiche des Blutes,
Trieb ganz Anykščiai alljährlich an, den Wald durchzuroden:
Als er dann alles verwüstet, verwies er auf Stellen zum Holzschlag...

So sind die Berge nun kahl, nur mit Stubben besät noch geblieben,
Oft mit Tränen begossen und in Gesängen besungen.
Unvollendet blieb auch das Lied: denn das Herz packte Schmerzen,
Düster ward da die Seele und schwer und fand nimmer Ruhe.
Denn die gleiche Macht, die frevelnd die Wälder zernagte,
Überfiel auch die Seele, das Herz... und brach auch dies Lied ab.

Anykščiai 1859

The Forest of Anykščiai

Translated from the Lithuanian by
Peter Tempest

Stump-littered hillocks, desolate and bare,
Can anyone believe you once were fair?
Where are your former charms? Where did they go?
Where is your humming when the wind would blow
And toss the white-wood foliage to and fro
And rock your pines, as centuries ago?
Where are your birds and nestlings to be found
Whose chirping such contentment spread all round?
Where are your living creatures large and small,
The burrows and the lairs that housed them all?
All, all has gone: in the deserted plain
A few disfigured pines alone remain.
With needle, cone and twig the earth is strewn —
A barren waste the sun bakes hard in June,
A sight the soul views with as much distress
As ruined palaces rank weeds possess,
Or heaps of rubble where a town once teemed,
Or bone-dry moss where marshland softly gleamed.

Once walking here you found your eyes would ache:
The forest would your soul so merry make,
Your heart so glad you wondered in surprise:
Where am I — in a wood or Paradise?
All that surrounds you with such beauty glows!
With every scent the forest woos your nose
And lively sounds you hear in every part.
You sense a deep calm soothing to the heart.

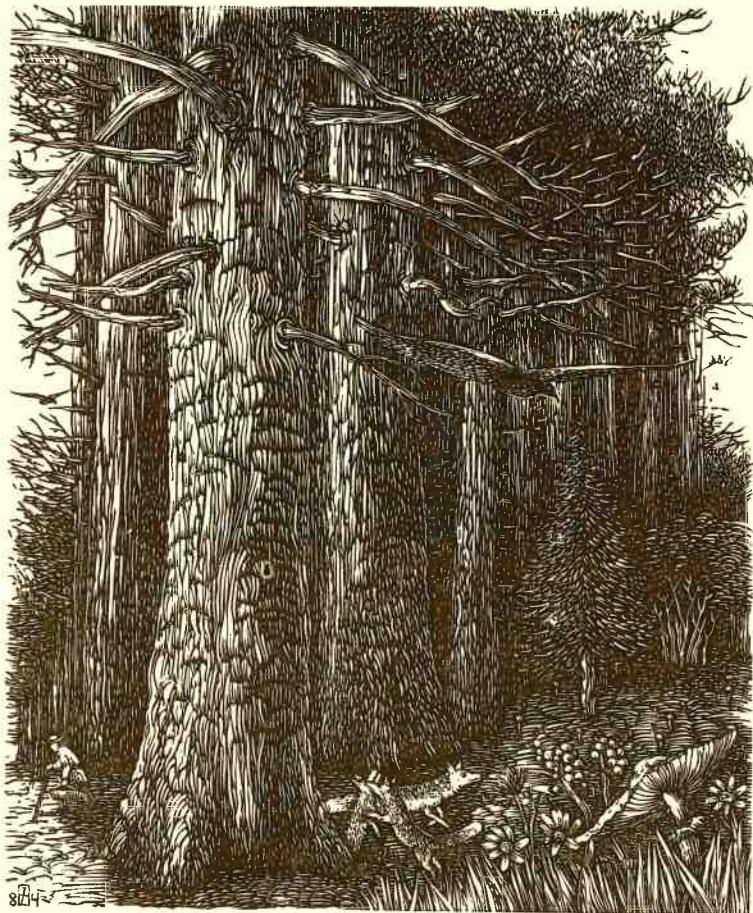
Here moss has strewn for you a soft-sprung bed
Inviting you to lie and rest your head.
Fruit bushes green as rue beside the track
Their juicy berries offer, red and black.
Here button-mushrooms in the setting green,
Reddish or grey of their estates are seen.

From under their moss blanket shyly peep
The chanterelle funnels wakening from sleep.
Here thrive the mushrooms that are nicknamed "swine",
While others round as plates lie flat and shine.
Here under firs bright saffron caps abound,
Here green russula break through frosty ground.
Brown, blue and grey ones gaily congregate
With nothing to disturb their natural state.
Here butter-mushrooms by the footpath spread
Like upturned goblets, as Mickiewicz said.
Here honey agarics to tree stumps cling,
Here champignons through woodchips deftly spring.
Here grow milk mushrooms and fly agarics
And toadstools without name which no one picks:
No forest beast its tongue to them will put,
By cattle they are trampled underfoot
Or, left alone, in course of time they rot
Enriching with their mould a mossy plot.
Exceptionally big the cep here stands,
In folk song called "the mushroom who commands".
A doughty air has he, this sturdy chap
Who bears on his thick stalk a weighty cap.

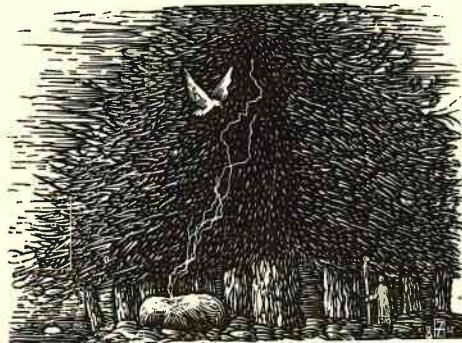
And here too thrive his kin of every kind:
Brown, red, grey — every shape and hue you'll find.

Where flowerlike green junipers have sprung
Hares rest and partridges bring up their young.
Light floods the wood where clearings drive a wedge,
Green-bearded bushes mark the forest edge,
Its fringe lined with the alders mushrooms love.
In clusters hazelnuts hang high above
In sunshine basking. Willows choose the shade
Of dales where limpid fountains long have played.
The guelder-rose bleeds. Currants black and red
In sheltered places by the river spread.
Deciduous forest here adorns the hills,
The vale of Pašlavys a birch-wood fills.
With leaves all quivering the aspen quakes
As did the frightened Princess of Grass Snakes.
Round firs grow ash and oak trees, as if here
The Queen for her dead King shed many a tear

When blood at sea, not milky foam, she saw
And then decided that her children four
Should trees become and she herself a fir,
And all wear foliage green along with her.

Here pear and apple show munificence.
The cornel rues her sister's violence.
Here buckthorn grows, birdcherry, linden, elm
And many trees dwell in this forest realm
Which only local folk can tell apart
Or those folk masters of the healing art
Who roam the woods and know which bark, leaf, root
The treatment of each illness best will suit.

We common folk wholeheartedly delight
In leaves whose green roof casts a softer light,
In young buds bursting on the burgeoning trees,
In apple blossom gleaming white as cheese,

In summer making green the avenues,
In autumn with her red and rusty hues
As if with blood the hillside covering,
And in the bare black boughs awaiting spring...
Those pines! How slim and straight they are, how tall,
So numerous you cannot count them all!
In summer and in winter green as rue,
Like reeds they grow, they close the distant view

And all around you only trees are seen
Though there's no undergrowth, the wood is clean
And no boughs — live or withered — intertwine.
As if trimmed by some hand stands every pine.

What scents abound! Pine resin fills the air.
The scent of flowers gentle breezes bear.
In clearings white-red clover, camomile
And thyme with fragrance rare your nose beguile.
The presence of an anthill you can tell.
Leaf, needle, pine-cone have a different smell
Each time you pass. A breeze however slight
Will bring new scents each time for your delight.
Here's aromatic cranberry and moss.
Here orchard-blossom scents you come across.
The forest like a living creature breathes:
The nearby field and meadowland it wreathes
In fragrance, while among its pines in turn
The scents of field and meadow you discern.

All mingle in the air, so thick they come
Your nose cannot distinguish every one.
It is as if wood, meadow, field combine
Their richest scents to make a perfume fine
Which to God's glory they are offering
As they together sigh, rejoice and sing.
Their voices weave a hymn of many parts
To touch with perfect harmony our hearts.

How fine are forest sounds, not only scents!
The forest hums, resounds with eloquence,
While midnight brings a silence that is so
Profound you hear each leaf and flower grow,
Hear tree to tree in gentle whispers call,
Each star through heaven move, each dewdrop fall.
The heart is hushed. Such peace reigns everywhere
The soul soars heavenward in quiet prayer.
But when the new day dawns with gleaming brow
And blades of grass, dew-laden, earthward bow

The forest wakens, night-time silence flees
And day again resumes its melodies.
That rustle? It's a leaf the breeze has stirred
Or, stirring in its nest, a waking bird.
That crackling? It's a homebound wolf who, loath
To hunt by day, breaks through the undergrowth.
A captured duck the fox bears to his lair,
A badger scurries from his burrow there,
A roe bounds past, a squirrel neatly takes
A flying leap onto a bough that shakes,
A stoat or marten rummages about...
The forest creatures are all up and out.
Who taps? A woodpecker up in a tree.
Who splutters there? An angry snipe, you see.
Who whispers? It's an adder you hear hiss
Or it's the river laps her bank in bliss.
Who's talking? By the water gabbling geese.
A stork its long beak snapping without cease.
On marshes ducks are landing one by one.
The hooping hoopoe asks his wife and son:
“What-what-what-what to bring you? Speak in turn!
What-what? A grain of wheat? A fly? A worm?”

The cuckoo glancing round cuckoos for us
And laughs and chuckles, weeps and makes a fuss.
The forest rings. The oriole teases Eve:
“Eve, Eve, believe me! You this field must leave!”

The snipe calls by the stream. Then in a throng
Of voices birds galore burst into song.
More calls and melodies from more throats gush:
The chiff-chaff, tomtit, siskin and the thrush,
The magpie, jay — each adding its own tune,
They laugh, lament and some play the buffoon.
The nightingale calls louder than the rest
In song full-throated, varied, full of zest,

Forever changing, ever reaching to
The heart as Lithuanian folk songs do.
Each rustling, stirring leaf too joins the surge
Of sound in which these varied voices merge
To sing a most melodious roundelay
In perfect harmony, no note astray.
The ear though not distinguishing each voice
Delights, as in far fields our eyes rejoice
When flowers in profusion intertwine
To make a single carpet woven fine.

Anykščiai, 1858.

There was a time, a time when beauteous calm
The forest breathed, our hearts to soothe and charm.
For Lithuanians relish calm and ease
As lush grass relishes a gentle breeze
That stirs dark ripples as it passes by:
We often weep in woods, not knowing why.
For it is there we feel a pain is eased,
The heart soothed and anxiety appeased;
Warm tears born of a sentiment unique
Come rolling then like pearl dew down the cheek.
Long afterwards our lungs breathe forest air,
Our breast as gently stirs as pines do there.
Such deep tranquillity pervades the soul
It bows as wheatears do when ripe and whole.
This is the source from which our tears and sighs,
Our solace and our poetry arise.
Now all has gone... In the deserted plain
A few disfigured pines alone remain.

If gazing on these devastated hills
With such sweet memories the fond heart fills
It fancies these dry stumps green shoots put out
And treetops in a fresh breeze move about
And if this wilderness sun-scorched by day
Seems carpeted with moss and mushrooms gay
And such sweet fragrance seems to fill the air
You think a pinewood has appeared somewhere
And beast and bird are stirring as at dawn
When darkness has from forest glades withdrawn,
If in this wasteland at the touch of thought
The former forest back to life is brought,
Then think how rich a presence, deep a calm
The pinewood gave us in its pristine charm
When here were shady groves and vistas green —
Not rotting stumps to make a sorry scene,
When here rose trees which, as the old men say,
For centuries held undivided sway

In quiet glades where bird and beast would drowse
Beneath a roof of intertwining boughs,
When bear and wild boar thrived and multiplied
And aurochs too would through the marshland stride.

Where are they now, those hallowed groves of yore
Long since destroyed, though no one knows wherefore?
Perhaps Jagiello, just baptized, it was
Who sought to end the cult of pagan gods.
But on the slopes that long ago were shorn
In course of time the pinewood was reborn.

Like yellow candles rose the tall smooth trees,
Limbs touching and crowns humming in the breeze.
Here on these shifting sands, recall old folk,
Stood heirs of ancient glory, groves of oak.
With mighty roots and branches, trunk and crest
The grace of reeds and rue's green they possessed.
Lithuania's hallowed oaks no bareness knew:
Brown leaves they bore till spring when green ones grew.
The moss-grown oaks resembled greybeards then
Yet were they tough and strong as adult men
And, like our young folk, handsome and polite.
Then long the scarred land glared, a hideous sight.

From Šlavė to Puntukas many an oak
Was as a shrine revered by country folk
Who bowed to idols in their solitude;
The traces of such cults may still be viewed.
This giant boulder once a devil bore
Intent to wreck Anykščiai chapel or

To dam a stream, but then he saw below
An oak grove and a cock began to crow.
He dropped the rock. So heavily it fell
Earth shook, it brought down aged pines as well...
Burnt offerings were on this boulder laid,
For gods to feed and help them people prayed
And still today, although the earth is ploughed,
Old stumps of rotting oak the landscape crowd.
A pair of roadside oaks you still may see
Whose crowns are green though dry their branches be.
Folk still revere them, carts make a detour;
Some hither come for magic or a cure.

A linden grove once clothed the hill and vale
With full-grown limes and saplings green and frail.
In summer creamy blossom decked the trees,
The air breathed honey, hummed with swarming bees.
The limes were kind to all from near and far
And generous as Lithuanians are.
They fed bees nectar, making honey sweet,
They cured all maladies with sweating heat,
Healed wounds and quenched the fire offesterling sores.
Their timber gave us shutters, wooden floors,
Their bark the bast shoes that our bare feet graced
And not a twig or branch would go to waste.
Cart, yoke and fence, a basket for a goose —
From branch to treetop all was put to use.
There were some hornbeams too, but these are gone,
Some hornbeam platters only linger on.
All sorts of trees grew here: some flowered a lot,
Some conifers did, some deciduous not.

Each by a different name the seers would call.
Folk spared them, though they did not know them all.

Such was the forest Lithuania knew:
Expanses green and shaded met the view,
The trees all merging in one vista grand
As Lithuanian hearts in one homeland.

Our folk have always lived at one with trees
And know few closer lifelong friends than these.
With windfalls only would they heat their hut,
Plait doors from branches, no boards would they cut
And no axe to a trunk they ever laid
Unless the tree already was decayed.
In turn the forest soothed and gave delight,
Loved Lithuania's folk with all its might.

It clothed and fed them, sheltered them as well,
To bar the way to enemies it fell,
In evil days — a refuge from our foes,
In time of grief — a place of sweet repose,
In happy days its charms it would unfold,
At all times granting blessings manifold.

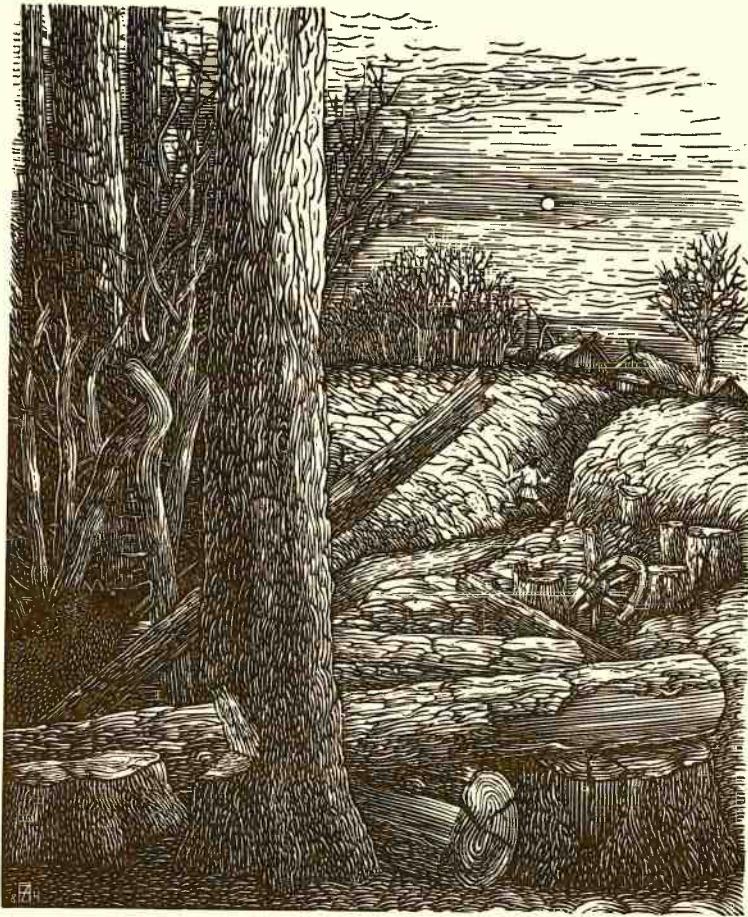
Then hard times came. Of hunger people died,
Made bark soup, baked their bread with moss inside.

Such starving folk who hardly eat at all
In time of plague like trees will reel and fall.
The forest pitied them, dew tears it shed
And wet its crowns in grey clouds overhead.
“My starving brothers all!” it cried. “Fight back!
A blessing on the hand that wields an axe!”
They wept, did those who first a few trees felled.
Their children groaned — the axe salvation spelled.
Their children’s children sighed, cut more trees down.
Their great-grandchildren carted logs to town
And when to market forty loads they sent
Rejoiced, assured of one day’s nourishment.
With timber so abundant prices fell.
They sold until there was not much to sell.
Whatever money they received they drank
And into ways of dissolution sank.

And so no forest did our fathers find,
Yet found they were like brothers of one mind

To save land for the trees for which they pined,
So sorely bitter tears would their eyes blind
On viewing stumps: for Lithuanian souls
Whom forest beauty nurtures and consoles
In treeless bleak expanses run to seed,
They wither and expire in sorest need.
Our treeless generation from old songs
Learns forest lore and for a forest longs.
Our folksong from a love of trees has grown
And all the songs were to our fathers known.
So now a pinewood patiently they reared
And in their loving labours persevered.
They raised a handsome pine grove, dense as reeds.
The young at heart and children were well pleased.
Such care of their new grove did people take
No twig, however tiny, would they break.
Anykščiai town rejoiced — the trees looked good —
And people went elsewhere for firewood.

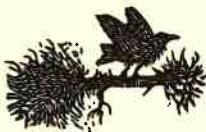

Then came a forester who toured the site,
Dug ditches, posted watchmen day and night,
Barred grazing, mushroom picking... He seemed strict
But on the sly sold wood and mushrooms picked.
He lied to his superiors; when folk
Complained he punched them and their teeth he broke.
He rooted pinetrees up year after year
And soon there was again a wasteland here...

Bare hills with stumps are all that now remain,
For which we weep and sing our sad refrain.
Unfinished is my lay: such pain at heart
Lies heavy on the soul and makes it smart.
That force which gnawed the forest for so long
Assailing heart and soul... curtails my song.

Anykščiai, 1859.

APIE AUTORIŪ

Antanas Baranauskas gimė 1835 m. sausio 17 d. Anykščiuose, nedideliame Lietuvos miestelyje, miškingame krašte Šventosios — Neries intako — pakrantėse. Tuo metu Lietuva buvo carinės Rusijos provincija, kuria tapo po paskutiniojo Lietuvos—Lenkijos valstybės padalijimo, įvykusio prieš 40 metų (1795 m.).

Poetas užaugo valstiečio šeimoje. Nuo pat mažumės jis pasižymėjo charakterio guvumu ir nemenkais gabumais — mėgo dainuoti liaudies dainas ir pats kūrė dainų tekstus.

Pasimokęs vietinėje parapinėje mokykloje, 16 metų amžiaus stojo į valsčiaus raštininkų mokyklą, kurią baigęs dirbo įvairiuose Žemaitijos miesteliuose. Tada jis susipažino ir susidraugavo su Karolina Praniauskaite, dvarininko dukterimi, kuri taip pat labai domėjosi literatūra. Tačiau jos tėvai sumanė išskirti jaunąją porą, ir Baranauskas, įsigijęs už pinigus bajorų mokyklos baigimo pažymėjimą, stojo į Varnių kunigų seminariją.

Nors čia atmosfera ir nebuvo palanki literatūriniams ieškojimams, Baranauskas juos pratekęs ir parašė „Dainu dainelę“, o būdamas 24 metų, sumanė ir užbaigė žymiausią savo kūrinį „Anykščių šilelį“, rašytą per vasaros atostogas 1858 ir 1859 m.

1858 m. jis įstojo į Peterburgo dvasinę akademiją, o tai, ką matė ir jautė kelionės iš Lietuvos į Rusijos sostinę metu, apraše 14 eilėraščių cikle, pavadiname „Kelionė Petaburkan“. Čia jis, parašęs eliuotą dialogą „Pasikalbėjimas giésmynko su Lietuva“, atsidėjo mokymuisi. Baigę studijas 1862 m., išvažiavo į užsienį siekti daktaro laipsnio. Kai prasidėjo 1863 m. sukilimas, jis gyveno Miunchene. Eilėraštyje „Ko gi skaudžia man širdelę“ jis išreiškė savo užuojautą sukilieliams.

Sugrįžės iš užsienio, kurį laiką profesoriavo Peterburgo dvasinėje akademijoje, o vėliau — Kauno kunigų seminarijoje. Tais metais Baranauskas atsidėjo gilioms lietuvių kalbos tarmių bei lietuvių kalbos gramatikos studijoms, susirašinėjo su žymiausiais to meto kalbininkais. Jis taip pat domėjosi matematika ir jnešė savo — tiesa, mėgėjiškai — indėli į ši mokslą.

Kaip teologijos profesorius, o vėliau Seinų vyskupas, Baranauskas tolydžio krypo prie reakcinių visuomenės jėgų. I senatvę poetas parašė apie 30 religinių giesmių.

Antanas Baranauskas, didžiausias XIX a. vidurio lietuvių poetas, mirė 1902 m. lapkričio 26 d. Seinuose.

* * *

I rusų kalbą „Anykščių šileli“ vertė įžymus tarybinis poetas Nikolajus Tichonovas (1896–1979). Vertimas išleistas 1950 m.

I vokiečių kalbą poemą vertė poetas ir vertėjas Hermanas Budenzygas (1893—1976). 1956—1975 m. Heidelberge jis leido ir redagavo žurnalą „Mickiewicz-Blätter“, skirtą Rytių Europos literatūroms. VFR išleista jo verstas A. Mickevičiaus „Ponas Tadas“, Š. Rustavelio „Karžygys tigro kailiu“, K. Donelaičio „Metai“ ir kt.

I anglų kalbą poemą vertė Piteris Tempestas (1924—1984). 1949 m. baigės Oksfordo universitetą, jis atsidėjo žurnalistikai. Nuo 1962 m. dirbo laikraščio „Daily Worker“ (vėliau — „Morning Star“) korespondentu Maskvoje. Čia jis pradėjo versti į anglų kalbą rusų ir kitų TSRS tautų poeziją. „Anykščių šilelio“ vertimas išleistas 1981 m. P. Tempestas išvertė K. Donelaičio „Metus“ (1985).

* * *

Šį leidimą iliustravo viduriniosios kartos lietuvių dailininkas Alfonsas Žvilius (gim. 1944). Baigės 1972 m. Vilniaus valstybinį dailės institutą, jis atsidėjo knygos grafikai. Už E. Mieželaičio knygos „Mano lyra“ apipavidalinimą apdovanotas Leipcigo knygų mugės bronzos medaliu (1982 m.).

TRUMPI PAAIŠKINIMAI

...*kaip Mickevčius sako* (p. 57) — A. Mickevičiaus (1798—1855) „Pono Tado“ ketvirtoje knygoje esantis Lietuvos girių aprašymas paskatino A. Baranauską lietuvių kalba atskleisti gimtojo krašto grožį.

...*po Šlavę* (p. 58) — poeto žodžiais tariant, „taip vadinamas yra šlaitas“.

...*klaiką nekantrios žalktyčios atrandi* (p. 58) — žalktyčia — tarminė forma, reiškianti „žalčio duktę“. Poetas čia pasinaudoja lietuvių liaudies pasakos „Eglė žalčių karalienė“ motyvais. Šioje pasakoje ryškiau negu kitų Europos tautų tokio pobūdžio kūriniuose atispindi žalčio kultas. Pasakos herojė Eglė išteka už žalčio. Ji gyvena jūros dugne, gražiuose rūmuose. Po devynerių metų su trimis sūnumis ir dukra ji grįžta į téviškę aplankytį tėvą. Jos devyni broliai nenori, kad jí grįžtų į jūrą. Jie iš Eglės sūnų bando išgauti paslapči, kuo vardu žaltys ir kaip jí reikia pajūryje prisišaukti. Tačiau šie nieko nepasako. Tiktai duktė pagrasinta išduoda paslapči. Eglės broliai nueina į pajūrį, prisišaukia žaltį ir jį užkapoja dalgais. Eglė, atvykus i prie jūros ir pamačiusi kraujo putą, supranta, kad vyras nužudytas broliu. Ji užkeikia savo sūnus stipriausiais medžiais — ažuolu, uosiui ir beržu, o dukterį — drebule, kad vi-sada drebėtų. Pati virsta egle.

...*žalkties pati apraudojo* (p. 58) — t. y. žalčio pati, Eglė.

Savo seserį skundžia liekna sedulélė (p. 60) — sedula (*Cornus*) — daugiametis dekoratyvinis krūmas arba medis. Vienoje lietuvių liaudies pasakoje seduléle pavirsta vyresniosios sesers užmušta jaunesnioji sesuo.

...*Marčiupio pakalnes* (p. 61) — Marčiupis — upelis, buvęs šilelyje.

...*volungė Ievą trotina* (p. 65) — poeto čia pasinaudota tautosakiniu garso pamėgdžiojimu.

...*Jagielia išskynė* (p. 69) — Jogaila, 1377—1392 — Lietuvos didysis kunigaikštis, nuo 1386 m. — taip pat ir Lenkijos karalius Vladislovas II. Jogaila priėmė krikščionių tikėjimą. Jo laikais (1387 m.) pradėta lietuvius krikštyti.

ОБ АВТОРЕ

Антанас Баранаускас родился 17 января 1835 г. в небольшом литовском городке Аникштай, который расположен среди лесов на берегах реки Швянтойи — притока Нерис — за 110 км на северо-восток от Каунаса. В это время Литва являлась провинцией царской России, в состав которой она вошла 40 лет тому назад после последнего раздела Речи Посполитой (1795 г.).

Поэтрос в крестьянской семье. С детства он выделялся живостью нрава и большими способностями — любил распевать народные песни и сам сочинял тексты для них.

После учебы в местной приходской школе он шестнадцатилетним юношей поступает в школу волостных писарей, после окончания которой работает в разных городках Жемайтии. Тогда же он познакомился и подружил с Каролиной Праняускайте, дочерью помещика, которая также очень увлекалась литературой. Однако ее родители пришли к решению разлучить молодую пару, и Баранаускас, приобретя за деньги свидетельство об окончании 4 классов боярской школы, поступает в духовную семинарию в Варний.

Несмотря на то, что здесь атмосфера не была благоприятна для литературных поисков, Баранаускас продолжает писать — сочиняет стихотворение «В память древней Литвы». Здесь же он задумал, а в 24 года закончил самое главное свое произведение — «Аникштайский бор», которое писал во время летних каникул 1858 и 1859 годов.

В 1858 г. он поступил в Петербургскую духовную академию. Свой путь из Литвы в столицу России он описал в 14 стихотворениях, объединенных в своеобразную

поэму — «Путешествие в Петербург». Там же он написал стихотворный диалог «Разговор певца с Литвой». После этого он всецело отдаётся занятиям в академии. Окончив учебу в 1862 г., он уехал за границу для подготовки к званию доктора. Восстание 1863 г. застало Баранаускаса в Мюнхене. В стихотворении «Сердечные признания» он выразил свое сочувствие повстанческому движению.

Возвратившись из заграницы, он некоторое время занимал должность профессора Петербургской духовной академии, затем Каунасской духовной семинарии. В эти годы Баранаускас глубоко изучает диалекты и грамматику литовского языка, завязывает переписку с видными языковедами того времени. Кроме того, он начинает интересоваться математикой и даже делает некоторые — правда, любительские — открытия в этой области.

Как профессор теологии, а позже епископ Сейнейской епархии, Баранаускас все больше склонялся в сторону реакционных кругов. Под старость поэт написал около тридцати религиозных песен.

Антанас Баранаускас, величайший литовский поэт середины XIX в., умер 26 ноября 1902 г. в Сейней (Сейны, Польская НР).

* * *

«Аникщяйский бор» на русский язык переведен выдающимся советским поэтом Николаем Тихоновым (1896—1979). Перевод издан в 1950 г.

На немецкий язык поэму перевел поэт и переводчик Германн Буддензиг (1893—1976). В 1956—1975 гг. он в Гейдельберге издавал и редактировал журнал «Мицкевич-Блэттер», посвященный литературе Восточной Европы. В его же переводах изданы в ФРГ «Пан Тадеуш» А. Мицкевича, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Времена года» К. Донелайтиса и др.

На английский язык поэму перевел Питер Темпест (1924—1984). Окончив в 1949 г. Оксфордский университет, он посвятил себя журналистской деятельности. С 1962 г. работал корреспондентом газеты «Дейли Уоркер» (позже — «Морнинг Стар») в Москве. Здесь он стал переводить на английский язык русскую поэзию и

поэзию других народов СССР. Перевод «Аникщяйского бора» издан в 1981 г. П. Темпестом переведены «Времена года» К. Донелайтиса (1985).

* * *

Настоящее издание иллюстрировано литовским художником среднего поколения Альфонсасом Жвилюсом (р. 1944). После окончания в 1972 г. Вильнюсского государственного художественного института он посвятил себя книжной графике. А. Жвилюс является лауреатом премии Литовского комсомола. За оформление книги Э. Межелайтиса «Моя лира» отмечен бронзовой медалью на Лейпцигской книжной ярмарке (1982 г.).

КРАТКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Лисичек леечки (с. 85) — по форме грибы лисички (*Cantharellus*) напоминают маленькую лейку.

... *Мицкевич их отметил* (с. 86) — в 4-ой песне поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» воспеваются литовские леса и упоминаются растущие в них грибы.

... *Шлаве* (с. 88) — овраг у речки посреди Аникщяйского бора.

Пашлавис (с. 88) — местность у реки Шлаве, покрытая лиственным лесом.

Осины здесь дрожат *Жальтичи вечным страхом* (с. 89) — в литовской народной сказке «Эгле — королева ужей» девушка Эгле (Ель) вступает в брак с морским существом Жальтисом (Ужом). У них трое сыновей и дочь. Семья живет во дворце на дне моря. Девять лет спустя Эгле с детьми навещает родителей. Ее братья, желая, чтобы сестра больше не возвращалась в море, с помощью угроз стараются узнать у детей, как зовут их отца и как его можно вызвать из моря. У сыновей ничего не удается узнать, но отца предает дочь. Вызвав Жальтиса на берег, братья его убивают. Эгле возвращается к морю, вызывает мужа, но на берег выплывает лишь кровавая пена. Тогда она превращает своих сыновей в деревья —

в дуб, ясень и березу, дочь-изменнику — в вечно дрожащую осину, сама же становится елью. Переводчик дочь Эгле здесь называет диалектным словом (из родного говора автора), обозначающим — дочь Жальтиса (Ужа).

Жальтене (с. 89) — жена Жальтиса (Ужа), т. е. Эгле.

... *седулы стена́нья* (с. 90) — переводчик оставил литовское название лиственного куста или дерева кизил (*Cornus*).

... *склон Марчюписа* (с. 91) — Марчюпис — приток реки Швянтойи.

... *Литвы родные дайны* (с. 97) — т. е. литовские народные песни.

... *сутартине* (с. 97) — многоголосая старинная песнь, ныне распространенная лишь в северной и восточной Литве.

Ягелло (с. 102) — с 1377 — великий князь Литвы, а с 1386 по 1434 — еще и король Польши. Поэт здесь имеет в виду начало христианизации в Литве (1387 г.).

От Пунтукаса (с. 103) — Пунтукас — название самого большого камня в Литве, находящегося неподалеку от Аникштей.

Мезгой леча (с. 105) — т. е. внутренним рыхлым слоем молодой древесной коры.

... *ведуны* (с. 106) — т. е. колдуны.

Муштинис (с. 108) — древняя литовская серебряная или золотая монета.

BIOGRAPHISCHE NOTIZEN

Antanas Baranauskas wurde am 17. Januar 1835 in Anykščiai geboren. Dieses kleine Städtchen liegt in einer waldreichen Gegend Litauens, etwa 110 km nordostwärts von Kauunas, am Ufer der Šventoji, des Nebenflusses von Neris. Litauen war damals eine Provinz des russischen Zarenreiches. Die Eingliederung in das zaristische Staatssystem hatte bereits 40 Jahre vor der Geburt des Dichters, nach der letzten Teilung Polen—Litauens (1795) stattgefunden.

Der Dichter stammte aus einer Bauernfamilie und zeichnete sich schon in früher Jugendzeit durch Aufgeschlossenheit seines Charakters und große Begabung aus — er sang gerne und verfaßte selbst Liedertexte.

Nach dem Besuch der örtlichen Pfarrschule trat er in die Bezirksschreiberschule ein, die er auch absolvierte. Darauf war er in verschiedenen Kleinstädten Schemaitens tätig. In dieser Zeit knüpfte er freundschaftliche Beziehungen zu Karolina Praniauskaitė, der literaturbeflissenen Tochter eines Gutsbesitzers. Nachdem jedoch die Eltern des Mädchens die Trennung des jungen Paares zu bewirken vermochten, besorgte Baranauskas die notwendigen Geldmittel, erwarb sich das Abschlußzeugnis der vierklassigen Bojarenschule und bezog das Priesterseminar in Varniai. Zwar gab es hier keine günstigen Voraussetzungen für literarische Beschäftigungen, doch setzte Baranauskas seine Bemühungen fort. Er verfaßte „Ich singe ein Lied...“, entwarf und verwirklichte sein größtes Werk „Den Hain von Anykščiai“ (vollendet hauptsächlich zur Zeit der Sommerferien 1858 und 1859).

Im Jahre 1858 trat er in die Geistliche Akademie in Petersburg ein, und die Eindrücke seiner Reise von Litauen in die Hauptstadt Rußlands fanden ihren Niederschlag im vierzehnteiligen Gedichtzyklus „Auf dem Wege nach Petersburg“. Nachdem ein Dialog in Ver-

sen „Unterhaltung des Sängers mit Litauen“ entstanden war, widmete er sich seinen Studien. Nach Abschluß der Studien (1862) fuhr er zum Erlangen der Doktorwürde ins Ausland. Zur Zeit des Aufstandes von 1863 weilte er in München. Im Gedichte „Was bedrückt denn so schmerhaft mein Herz“ lassen sich deutliche Töne der Teilnahme des Autors für die Aufständischen heraushören.

Vom Auslande zurückgekehrt, wirkte er eine Zeitlang als Professor an der Geistlichen Akademie in Petersburg, nachher — am Priesterseminar in Kaunas. In jenen Jahren betrieb Baranauskas eifrige Mundartenstudien des Litauischen und beschäftigte sich gründlich mit den Fragen der Grammatik. Er führte einen regen Briefwechsel mit vielen angesehenen Linguisten jener Zeit. Darüber hinaus zeigte er großes Interesse für die Mathematik und leistete auch in diesem Bereich, zwar als Liebhaber, einen gewissen Beitrag.

Als Theologieprofessor und später Bischof von Seinai unterlag er allmählich den Einflüssen der reaktionären Gesellschaftsschichten. In seiner Spätzeit verfaßte er ca. 30 religiöse Lieder.

Antanas Baranauskas, der größte litauische Dichter der Mitte des 19. Jh-s verstarb am 26. November 1902 in Seinai (Seiny, Polen).

* * *

Die russische Nachdichtung „Des Hains von Anykščiai“ stammt von der Feder des angesehenen sowjetrussischen Dichters Nikolaj Tichonow (1896—1979). Erscheinungsjahr der Buchausgabe — 1950.

Die deutsche Nachdichtung des Poems besorgte für das deutschsprachige Lesepublikum Hermann Buddensieg (1893—1976), Dichter, Übersetzer und Herausgeber der Heidelberger Zeitschrift „Mickiewicz-Blätter“ (1956—1975), eines Forums für osteuropäische Literaturen in der Bundesrepublik und der deutschsprachigen Welt. Dem Leser sind auch seine weiteren Nachdichtungen bekannt, so „Pan Tadeusz“ von Adam Mickiewicz, „Der Recke im Tigerfell“ von Schota Rustaveli, „Die Jahreszeiten“ von Kristijonas Donelaitis, „Der Muschik Schemaitens und Litauens“ von Dionizas Poška u.a.m.

Im Englischen erschien das Poem in Übertragung von Peter Tempest (1924—1984). Der

Autor der Nachdichtung war nach Abschluß der Studien in Oxford (1949) als Berufsjournalist beschäftigt, und zwar seit 1962 als Korrespondent von „Daily Worker“ (später — „Morning Star“) in Moskau. Hier begann er die russische Literatur und die Werke anderer Völker der Sowjetunion ins Englische zu übersetzen. Die englischsprachige Buchausgabe „Des Hains von Anykščiai“ wurde 1981 veröffentlicht. Von der Feder von Tempest gibt es auch eine Übersetzung „Der Jahreszeiten“ von Donelaitis ins Englische (1985).

* * *

Die Illustrationen dieser Ausgabe stammen von Alfonsas Žvilius, dem litauischen Künstler mittlerer Generation (geb. 1944). Nach Abschluß der Studien am Staatlichen Kunstinstitut in Vilnius im Jahre 1972 widmete er sich der Tätigkeit als Buchgrafiker. Für die künstlerische Gestaltung des Buches „Meine Leier“ von Eduardas Mieželaitis wurde er auf der Leipziger Buchmesse 1982 mit einer Bronzemedaille ausgezeichnet.

ANMERKUNGEN

Wie es Mickiewicz gesagt hat (S. 117) — Durch die poetische Schilderung der Wälder Litauens in 4. Buch des „Pan Tadeusz“ von Adam Mickiewicz (1798—1855) wurde Baranauskas zum Besingen des litauischen Waldes in Dichtungen litauischer Sprache angeregt.

...an der Šlavé (S. 118) — der Abhang, die Uferböschung, wie sie der Dichter nennt.

In einer jeden findest du die Angst von des Natterichs Tochter (S. 118) — Hier behandelt der Dichter ein litauisches Märchenmotiv von der Tanne, der Natternkönigin. Deutlich sind darin noch die Spuren des alten Natternkultes. Dadurch unterscheidet sich eben dieses Märchen stark von dem Märchengut anderer europäischer Völker. Die Märchenheldin heiratet einen Natterich und wohnt in einem schönen Schloß auf dem Meeresgrunde. Nach neun Jahren besucht sie mit drei Söhnen und ihrer einzigen Tochter die Eltern und die Verwandtschaft in ihrer Heimat. Ihre neun Brüder beabsichtigen jetzt, ihre Rückkehr ins Meer zu

verhindern, indem sie bemüht sind, von den Kindern der Tanne durch Drohungen und List das Rufwort herauszubekommen, das dem Natterich als Zeichen gilt, am Strand zu erscheinen. Die Söhne lassen sich nicht erpressen, nur das Töchterlein verrät das Geheimwort. Nun eilen die Brüder ans Meer, rufen den Natterich herbei und zerhacken ihn mit ihren Sensen. Die Tanne begreift bald das Geschehene, verwandelt die Söhne in starke Eichen-, Eschen- und Birkenbäume, die Tochter aber muß zur Strafe als Espenbaum immer wieder zittern. Sie selbst ergibt sich ihrem Leid und bleibt in ihrer ewigen Trauer ein immergrünender Tannenbaum.

Über die Schwester klagt nun das schlanke Harriegelsträuchchen (S. 119) — Es gibt ein litauisches Märchenmotiv vom Schwestermord, wobei sich die Ermordete in einen Hartriegelstrauch verwandelt.

Gleichsam mit Blut übergießend die Hänge des Marčiupis (S. 120) — Marčiupis — der Name eines nunmehr längst vertrockneten Baches im Haine.

Strömend plätschert... die Šventoji (S. 124) — In Litauen heißen einige Flüsse Šventoji. Der Name scheint noch aus der vorchristlichen Zeit verblieben zu sein.

...die Dainos von Litaun (S. 126) — d. h. die litauischen Volkslieder.

Hatte vielleicht sie Jogeila (S. 129) — Jogaila — Großfürst Litauens (1377—1392) und ab 1386 auch König von Polen als Władysław II. Er nahm die Taufe an und ließ während seiner Regierungszeit auch die allgemeine Taufe in Litauen einführen.

...von Puntukas zur Šlavé (S. 130) — Puntukas — der Name des größten Steines in Litauen.

BIOGRAPHICAL NOTE

Antanas Baranauskas was born on January 17, 1835, in Anykščiai, a small Lithuanian town lying about 70 miles northeast of Kaunas in forestland on the banks of the river Šventoji, a tributary of the Neris. Lithuania was at that time a province of Tsarist Russia, following the partition of the Polish-Lithuanian republic forty years before.

The poet grew up in a peasant family. From an early age he was noted for his lively disposition and he showed great talent — he loved folksongs and wrote songs himself.

At the age of 16, having attended the local parish school, he trained as a clerk and found employment in small towns of Žemaitija, the Lithuanian Lowlands. There he met and struck up a close friendship with Karolina Praniauskaitė, a landowner's daughter, also keenly interested in literature. But her parents wished to separate the young couple and with the purchase of a grammar school diploma enabled Baranauskas to enter the Varniai seminary.

Although the atmosphere there was not conducive to literary pursuits, Baranauskas continued them and wrote the poem "I Sing a Song". At that time too he conceived and at the age of 24 completed his major work "The Forest of Anykščiai", written during the summer vacations of 1858 and 1859.

In 1858 he entered the Theological Academy in St. Petersburg, recording what he observed and meditated on his way to the Russian capital in 14 poems which he brought together in "A Journey to St. Petersburg". There he wrote a verse dialogue "A Poet's Conversation" with Lithuania" before devoting all his attention to his studies. Graduating in 1862, he went abroad to study for his doctorate. At the time of the Polish uprising of 1863 he was in Munich. In the poem "Restlessness" he expressed sympathy with the insurgents.

Upon his return he was for a time a professor at the Theological Academy in St. Peters-

burg and then at the Kaunas Theological Seminary. It was during these years that he made an extensive study of Lithuanian dialects and pioneered the study of Lithuanian grammar, corresponding with eminent philologists of the day. He also delved into mathematics and made some amateur contributions to that science.

As professor of theology and subsequently Bishop of Seinai he came to adopt increasingly reactionary views. In his old age he wrote about 30 religious hymns.

Antanas Baranauskas, Lithuania's greatest poet of the midnineteenth century, died in Seinai (Seiny, Poland) on November 26, 1902.

"The Forest of Anykščiai" was translated into Russian by the outstanding Soviet poet, Nikolai Tikhonov (1896-1979). His translation was first published in 1950.

* * *

The poem was translated into German by Hermann Buddensieg (1893—1976), a poet and translator. Between 1956 and 1975 in Heidelberg, he was publisher and editor of "Mickiewicz-Blätter", a magazine dedicated to East European literature. In the Federal Republic of Germany he also published his German translations of "Pan Tadeusz" by Adam Mickiewicz, "The Seasons" by Kristijonas Donelaitis, etc.

* * *

The poem was translated into English by Peter Tempest (1924-1984). After graduating from Oxford in 1949, he devoted himself to journalism. From 1962 he worked as the "Daily Worker" (later "Morning Star") correspondent in Moscow. Here he began to translate Russian poetry as well as poetry of other Soviet nations. His translation of "The Forest of Anykščiai" was first published in 1981. Peter Tempest also translated into English "The Seasons" by Kristijonas Donelaitis (1985).

* * *

This edition was illustrated by Alfonsas Žvilius (b. 1944), a Lithuanian artist. After graduating from Vilnius Art Institute in 1972, he devoted himself to book illustration. For the design and illustrations of Mieželaitis' book "My Lyre" he was awarded a bronze medal at Leipzig Book Fair (1982).

NOTES ON THE POEM

Anykščiai — pronounced “Ann-eeksh-chigh” (to rhyme with “sigh”).

Mickiewicz (page 145) — Adam Mickiewicz (1798—1855), the great Polish romantic poet and national bard, in the 4th Canto of his epic poem “Pan Tadeusz” (1834) rapturously describes Lithuania’s forests and their mushrooms.

Pašlavys (page 146) is the name of a stream in the forest.

Princess of Grass Snakes (page 146) — the daughter of the Queen of Grass Snakes, who figures in the popular Lithuanian folktale alluded to in these and the following lines. The Queen of Grass Snakes — formerly a fisherman’s daughter whom the King of Grass Snakes had carried off as his bride to his palace at the bottom of the sea — at last received permission to visit her parents with her four children: three sons, Birch, Ash and Oak, and a daughter, Aspen. But they had to return on the ninth day and tell no one the secret words to summon the King of Grass Snakes from the bottom of the sea. The Queen’s parents, her twelve brothers and two elder sisters wished to keep her at home and kill the King of Grass Snakes. The twelve brothers tried to worm the secret call from her three sons but failed. Her daughter, Aspen, the Princess of Grass Snakes, however, blurted out the secret. The twelve brothers went to the seashore and said the magic words:

Foam milky-white
Means you’re alive,
But if blood-red
It means you’re dead.

The King of Grass Snakes swam up and was killed. On the ninth day when it was time for the Queen to leave and she recited the rhyme she saw blood-red foam at sea and heard the dead King’s voice tell of the betrayal and his murder. The Queen punished her cowardly daughter by turning her into a tree forever trembling with fear. Her three sons she turned into great and handsome trees and decided that she herself, whose name was Fir, would always be near them.

The cornel rues her sister's violence (page 148) — an allusion to a folktale about two sisters, both beautiful and eager to marry. When matchmakers came, their mother sent them into the forest, intending to give in marriage whichever daughter returned first with a basketful of berries. Seeing her younger sister about to go home, the elder sister killed her and buried her in the forest. A cornel tree grew at the site of the grave. Meanwhile the elder sister married and had a son, who became a fiddler. One day on his way to a wedding he passed the cornel and cut a stick for a new bow. When he began to play his fiddle, the bow spoke and told the whole sad story.

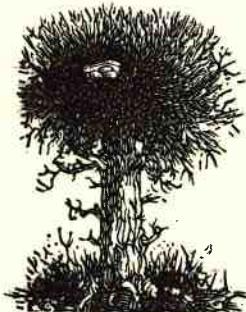
The oriole teases Eve (page 153) — the oriole's "wheel-a-wo, wheel-a-wo" call resembles the Lithuanian form ("Ieva, Ieval") of Eve, giving rise to the popular imitation of the oriole's call.

Jagiello (page 157) — (Lith.) Jogaila (?1350-1434), Grand Prince of Lithuania and King of Poland, during whose reign Christianity was adopted in Lithuania.

From Šlavé to Puntukas (page 158) — Šlavé is a ravine in the forest and Puntukas is the name of the boulder mentioned here, one of the largest in Lithuania, lying not far from Anykščiai.

* * *

Lietuviškas tekstas publikuojamas iš kn. A. Baranauskas. Raštai. T. 1. V., 1970. 60 ir 212 eilutėse *parėjos* keičiamama *perėjos* (žr. LKŽ, t. 9, s. v.), 45 eilutėje *veršiakiai* — *veršakiai* (taip 1882 m. tekstuose). Rusiškas tekstas — iš kn. Литовские поэты XIX века. М.—Л., 1962. Vokiškas tekstas — iš kn. Antanas Baranauskas. Der Hain von Anykščiai. Wilhelm Fink Verlag. München, 1967. Vertimo 333 eilutė (knygoje — spaudos klaida) — iš „Mickiewicz—Blätter“, 1966. Angliškas tekstas iš kn. Antanas Baranauskas. The Forest of Anykščiai. V., 1981.

TURINY

- Eduardas Mieželaitis. Paminklas savo kraštui* 7
Эдуардас Межелайтис. Памятник родному краю 17
Eduardas Mieželaitis. Ein Denkmal zu Ehren der Heimat 29
Eduardas Mieželaitis. A Monument to the Homeland 42
Anykščių šilelis 53
- Аникштыйский бор. Перевел Н. Тихонов 81
- Der Hain von Anykščiai. Nachdichtung von Hermann Buddensieg 113
The Forest of Anykščiai. Translated by Peter Tempest 141
- Apie autorą 168. Trumpi paaiškinimai 170
Об авторе 171. Краткие примечания 173
Biographische Notizen 175. Anmerkungen 177
Biographical Note 179. Notes of the Poem 181

Baranauskas A.

Ba 402 Anykščių šilelis / [Iv. str. /p. 7—52/ E. Mieželaičio]; Iliustr. A. Žviliaus.— V.: Vaga, 1985.— 183 p.

Apie autorij ir trumpi paaišk. 168—182 p.

Knygoje spausdinama lietuvių literatūros klasiko A. Baranausko poema „Anykščių šilelis“ ir jos vertimai į rusų (vertė N. Tichonovas), vokiečių (vertė H. Budenzygas) ir anglų (vertė P. Tempestas) kalbas.

B 4702360100—175
B —————— 18—85
M852(08)—85

BBK 84 L1

L1

Антанас Баранаускас
АНИКШЧЯЙСКИЙ БОР

Поэма

Художник А. Жвилюс

На литовском, русском, немецком и английском языках
Издательство «Вага», 232600, Вильнюс, пр. Ленина 50

ИБ № 3869

Antanas Baranauskas
ANYKŠČIŲ ŠILELIS

Redaktorius J. Pilypaitis. Men. redaktorius S. Chlebinskas.

Techn. redaktorė E. Južienė. Korektoriai T. Ališkevičienė ir V. Valaitis
Duota rinkti 84.12.26. Pasirašyta spaudai 85.09.25. LV 12274. Leidinio Nr. 11517. Formatas 70×84¹/16. Popierius offsetinis. Garnitura „Tip Taims“, 12 пункту. Fotorinkimas. Offsetinė spauda. 13,5 saj. sp. l. 13,8 saj. spalv. atsp. 6 apsk. leid. I. Tiražas 10 000 egz. Užsakymas 1994. Kaina 3 rb
Leidykla „Vaga“, 232600, Vilnius, Lenino pr. 50.
Spaudė K. Poželos spausdintuvė, 233000, Kaunas, Gedimino 10

Аникштыйский
бор

Anykščių
šilelis

Ši kūrinj paraše jaunas dvidešimt trejų—ketverių metų poetas ir todėl jauna, gaivalinga, nešeikvota lyrinė energija trykštė tryksta iš kiekvienos šio tariamai epinio pasakojimo eilutės, iš kiekvienos jo metaforos, iš kiekvieno jo žodžio.

Сочинил данное произведение поэт в возрасте двадцати трех—двадцати четырех лет; в связи с чем юная, стремительная, неизрасходованная лирическая энергия фонтаном бьет из каждой строки этого так сказать эпического повествования, пронизывает каждую его метафору, каждое слово.

Der Hain
von Anykščiai

Dieses Werk wurde von einem jungen dreiundzwanzig- bis vierundzwanzigjährigen Dichter geschaffen und deshalb strömt—ja, es strömt wahrhaftig! — aus jeder Zeile dieser sogenannten epischen Erzählung, aus jeder Metapher, aus jedem Wort eine junge, unverbrauchte lyrische Energie.

The Forest
of Anykščiai

The poem was written by a young man (he was twenty-three or twenty-four years old at the time). Each line, each metaphor, each single word of this seemingly narrative poem sparkles with young, elemental and unspent lyrical energy.